

М. ВОРОНОВА, Н. МИРОНИНА, О. ЖДАНОВ, УЛЬЯ НОВА,
О. ЛУНИНА, Е. ПОМАЗАН, Е. УСАЧЁВА, Г. МАВЛЮТОВА,
С. ПРЮДОН, Ю. КЛИМОВА, О. ЛИСКОВАЯ, А. ФЁДОРОВА
И ДРУГИЕ

СВАДЬБУ
ДЕЛАТЬ БУДЕМ?

Радость сердца. Рассказы современных писателей

Юлия Климова

**Свадьбу делать
будем? (сборник)**

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Климова Ю.

Свадьбу делать будем? (сборник) / Ю. Климова —
«Эксмо», 2017 — (Радость сердца. Рассказы современных
писателей)

ISBN 978-5-699-99236-2

Свадьбу делать будем? Или просто распишемся? И вообще, к чему нам эта регистрация? Мы ведь друг друга любим и без печати в паспорте!.. Сколько парочек задавалось подобными вопросами, сколько слез и споров они вызывали! Мир входит в эру сексуальной терпимости и ослабления гендерных связей, а российским барышням вынь да положь свадьбу! С белым платьем, фатой, лимузином, толпой родственников и фотоотчетом в Instagram. Или не всем барышням это нужно? Или не только барышням, наши мужчины тоже все-таки не против жениться по всем правилам? На вопрос, что же такое для нас свадьба, отвечают современные российские писатели – своими рассказами, которые и вошли в этот сборник.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99236-2

© Климова Ю., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Лилит Мазикина	6
Олег Жданов	14
Стелла Прюдон	18
1	18
2	19
3	20
4	21
5	22
6	24
Мария Воронова	26
Елена Помазан	31
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Свадьбу делать будем? (сборник)

- © Мазикина Л., 2017
- © Жданов О., 2017
- © Прюдон С., 2017
- © Воронова М., 2017
- © Помазан Е., 2017
- © Москва М., 2017
- © Настова Е., 2017
- © Мавлютова Г., 2017
- © Усачёва Е., 2017
- © Улья Нова, 2017
- © Лисковая О., 2017
- © Аркатова А., 2017
- © Лунина А., 2017
- © Обух А., 2017
- © Фёдорова А., 2017
- © Мосова С., 2017
- © Золочевская Т., 2017
- © Торощина О., 2017
- © Пахомова Э., 2017
- © Резина С., 2017
- © Миронина Н., 2017
- © Шамордин Н., 2017
- © Кочерина С., 2017
- © Климова Ю., 2017
- © ООО «Издательство «Э», 2017

Лилит Мазикина Индийское кино

К свадьбе готовились со вкусом, азартно, не жалея времени, денег, сил и фантазии. По замыслу будущего свекра, свадьбой предполагалось отметить восемнадцатилетие наследника, юноши, наделенного всеми достоинствами, как то: изрядный рост, модная худоба, кудри до лопаток и умение выбивать венгерочку двадцать минут подряд, не сбиваясь с ритма и притом в негнущихся лаковых туфлях. Кроме того, наследника умудрились всеми правдами и неправдами пристроить в институт, так что армия до рождения парочки собственных наследников ему не грозила, а после – тем более.

Институт юноше даже понравился, и он впервые в жизни учился с интересом, обнаружив к отличным от танца искусствам и их истории прежде никогда за ним не наблюдавший интерес. Первые две сессии сдал почти без помощи родителей.

Видеореэюме сняли сразу после поступления. Ролик длился двадцать минут ровно – столько, сколько достаточно и необходимо было для демонстрации главного таланта. Кудри, худоба и свежий ремонт в доме также ненавязчиво присутствовали в кадре.

Невесту выбрали, просмотрев роликов сорок. На год младше, фигурка сочная, на лицо – вылитая Айшвария Рай (будущего свекра кинематографический кумир), даже глаза светлые. Жила не далеко и не близко – и в гости к свойственникам поехать можно, и назойливым общение не будет. В общем, идеальная цыганская невеста. Нежным голосом перечислила, что умеет готовить – слюнки потекли...

Невесту звали Анжела. Примерили имена: Граф и Анжела, Анжела и Граф. И решились. Написали, позвонили, съездили, сосватали – семья на месте тоже очень понравилась. У мамы – институт культуры, у папы – шиномонтаж, дом – два этажа, три «плазмы». Анжела чай подавать гостям выплыла – как голубка комнату облетела. И вблизи на Айшварию еще больше похожа.

Ударили по рукам. Обговорили – когда, как. А мы молодым, а вы молодым. Устроили помолвку пышно, с гостями, в микрофон объявляли, как в кино. И дальше стали готовиться к главному.

Наследник у будущего свекра был один, как в глазу зрачок, как в груди сердце: экономить ли тут? Хотелось так сыграть, чтобы долго потом вспоминали цыгане: а на какую длину столы заставили, да как поросенка зажарили и как на блюде лежал, а водки какие сорта стояли, а как на бутылочках слеза выступала, а как молодые перед иконой кланялись да как танцевали потом, а вот такого-то и такого-то ни у кого на свадьбах еще не было... Хорошая была свадьба, легенда, а не свадьба!

Будущий свекр ужасся в семейном бюджете и ел на ужин что жена подала: макароны так макароны, с котлетой так с котлетой, без смены блюд так... Что и говорить. Залез в кубышку, которую на случай свадьбы наполнял уже давно. Побегал, взял два кредита.

Свадьба как раз приходилась на Графов день рождения, выпадала на лето. Решили гулять во дворе, хотя ресторан или турбазу хорошую снять было бы пышнее. Значит – тенты, значит – столы и скамьи, и двор украсить – последнее главное, потому что – чем, как, чтобы все ахнули, чтоб удивились и повынимали из карманов телефоны – фотографировать срочно?

И цветами украшали-переукрашали все, и воздушными шариками, и светомузыкой всякой. Думали-думали, мудрили-мудрили, решили – перевить все широкими лентами, из плотной красивой ткани, алыми, сиреневыми, белыми, везде бантов и цветов из этих лент

понавязать, а вечером, как стемнеет, включить спрятанные за лентами гирлянды светодиодов. Будет как в индийском кино!

Попробовали заранее – красиво выходит, пышно. Будущий свекр ходил, довольный собой, усы наглаживал, и так было жалко, что сейчас, заранее не похвастаться – украдут идею, как есть украдут, это ж не деньги, это интеллектуальная собственность, а она цыганским законом охраняется как? А вот как: никак.

В отдельную коробку, большую, от корейского душа, легли мотки лент и гирлянд. Хватит ли? Не набить ли другую коробку, от стиральной машинки? Да ведь деньги не только на украшения нужны. Певцов-музыкантов звать надо? Вот. Аппаратуру для музыки ставить надо? Ага. А чтоб было где спать, а чтоб было что есть, а костюмы! Костюмы-то!

Индийское кино так индийское кино, заказали Графу костюм – вроде как свадебный, белый, но с индийским акцентом, с жилетом расшитым, с рубашкой красной, с золотой тесьмой тут и там. Костюм влетел в копеечку, но сидел в конце концов знатно. Подумывали, не добавить ли свадебную чалму, как в «Зите и Гите», но как ни пытались, никому не удалось соорудить Графу на голове ничего похожего – отступились.

Дальше – больше. Все родственницы и свойственницы понеслись покупать себе в Москве сари или набор из широкой юбки, блузки и расшитого жилета – кто какой наряд смог на себя найти. Нашли в Интернете, как себе на заколку сделать гигантские тропические цветы из ткани. Семью будущей невесты предупредили тоже. Будущий свекр ликовал и обзванивал ансамбли в городе и области, спрашивал, какие могут сыграть «Джимми джимми аджа аджа» и «Дола ре дола ре дола ре дола». Нашел отличную еврейскую группу – знала и умела все: и венгерочку урезать, и хиты Марцинкевича (как без Марцинкевича?), и джимми джимми, и Шуфутинского с Лепсом, и еще какую-то хаванагилу заодно (обещали, что тоже очень для венгерочки хороша). Судили, рядили, торговались, базарили, да по рукам наконец ударили. Не успел будущий свекр пот с лица утереть, как тут же меню составляй. Да что приготовить, да сколько, да что закупить, да где лучше. Тут, конечно, семейным советом, а где семейный совет, там ссоры да раздоры, потому что всякий лучше другого разбирается и в голубцах, и в поросятах, и в бараньем шашлыке. Разве что на водке было полное семейное согласие: какие три марки на стол ставить – тут всякий цыган и всякая цыганка имели понимание. С грехом пополам составили и меню, сошлись и на продуктах – где какие покупать, а где не брать ни в коем случае. Для верности записали, чтоб потом не говорил один, что сошлись на баранине с такого-то рынка, а другой – что на таком-то брать собирались. Потратили на список тетрадь ученическую в клетку, 12 листов – полностью. А как иначе, дело-то серьезное, как бы в грязь лицом да не ударить. Настоящего цыгана хлебом не корми – дай вспомнить, в какой подливке ему телятину на прошлогодней свадьбе подали да каких туда приправ положили. А если подлива была грязь, а не подлива, да розмарина пересыпали или перца не доложили, а мясо только в школьной столовой подавать, как с пищекомбината привезённое, то и этого не забудут: так вспоминать будут, что уши гореть не перестанут за пять километров от разговора.

С навесами и столами оказалось проще всего – их арендовали. Хотя как сказать проще – уж не в финансовом отношении, конечно. «Свадебные» деньги таяли на глазах, а потрепав гостей хотелось все больше и больше. Как бы так сделать, чтоб и как у людей, и чтобы только у нас так? – не переставал мучить будущего свекра вопрос. И ленты, и сари, и орхидеи из искусственного шелка, и расшитый Графов жилет – всего ему стало казаться мало. Среди ночи он сидел в постели, чтобы толкнуть жену в бок и спросить:

– А верблюдов-то, верблюдов-то вроде как можно жарить... А?

– Тебя черти на своей свадьбе будут над угольями жарить, – неприветливо сообщила во сне жена. – Ты знаешь, почем сюда верблюда из Узбекистана привезти?

Будущий свекр не знал, но вздыхал печально: соображал, фантазия у него была мощная. Битые сединой усы его печально обвисали, и сам он проваливался обратно в неверный и тревожный сон.

А то застывал над тарелкой картофельного пюре с двумя сиротливыми сардельками и говорил, уставясь на глянцевые сарделькины бока:

– А фотографа попросить обезьянку с собой взять, пусть все с обезьянкой фотографируются?

– Из московского зоопарка выпишешь или из Сочи? – ровным, без тени иронии голосом интересовалась супруга, и усы обвисали снова.

А лето все надвигалось и надвинулось совсем. Выдалось оно ровным, без дыма, без зноя и без бесконечных дождей, и прогноз погоды на день свадьбы (и рождения) Графа был самый чудесный. Сам жених успешно прикончил вторую сессию и дни проводил беспечно – бегая с удочками на озерце в пригородном лесу. Там водились только бычки, но Граф уверял, что его лучший друг совсем недавно, в позатом году, выловил из озерца четырех карасей. Граф хотел поймать пять.

Объездили все рынки. На некоторых словно диверсию кто устроил – то нужного мясника нет, то у нужного мясника нет ничего толкового. Бегали, волновались, ругались, торговались, шупали и нюхали, чтобы лучшего все качества, сверялись со списком, вычеркивали и обнаруживали, что забыли вычеркнуть. Перед глазами все плыло от перебранных вручную, лично, с пристрастием, сладких перцев, багровых помидоров, крепких луковок, скромниц-картофелин. Купили и мяса, и овощей, и фруктов, и приправ, и птицы, и сладостей, и попить, и выпить, и цветов живых – по всему дому по ведрам расставили. Кладовка, холодильник, кухонные шкафчики – ничто не осталось пустым хоть бы на уголок. Копченьями пахло умопомрачительно.

Съехались гости. Пристроили, как могли, по всей улице машины; пристроили, как могли, гостей по всему дому. Вышло вроде не стыдно, всем хватило надувных матрасов, подушек и пледов.

Утром прежде всех встал Граф, схватил удочки – но наступил неосторожно среди гостей на чью-то ногу, поднялся шум – удочки отобрали.

– Я успею, успею, – твердил жених, но его уже расчесывали, вертели, обряжали, опрыскивали одеколоном. Процессия с невестой должна была приехать в течение дня, а сама свадьба состояться ночью, когда включают гирлянды за лентами и электросвечи на столах.

Цыганки развели во дворе костры, поставили мангалы и прочее; кто-то уже занял кухню и во главе с будущей свекровью усердно месил тесто для пирогов и пирожков. Мужчины с важным видом смотрели, как будущий свекр, взяв в помощь родного младшего брата, маринует в вине отборные куски бараньего мяса, и, чтоб сдержаться и под руку советов не давать, сладострастно вспоминали шашлыки на недавних майских праздниках: кто какое мясо взял, да в чем вымачивал, да приправки, да как на вкус было и как на зуб ложилось. Чтобы не захлебнуться слюной, подъедали нарочно поставленные закуски и запивали водкой.

– Ночью-то все же странно, ночью что за свадьба, вообще все не по-людски идет, – не выдерживал кто-нибудь, томясь по накрытым столам и всеобщим танцам, но будущий свекр осаживал:

– Не нравится, так и не держат тебя.

Это было, конечно, грубо, но он знал: интрига, секрет, который чуяли за ночной свадьбой цыгане, заставит пропустить мимо ушей грубость и ждать сюрприза. Чтобы или обрадоваться и качать хозяина, или обидеться и проклясть всячески.

Подвезли столы и тенты, мужчины принялись расставлять их, подключать аппаратуру. Прибыли музыканты, стали аппаратуру сразу тестировать: зазвенела магомаевская «Сва-

дьба-свадьба», хиты Антонова. Аппаратурой музыканты остались довольны, сели за уже накрытый для них столик, стали есть, одуревая от запаха шашлыка на тарелках, наливая по пятьдесят – «для горла», хватая и вкусно жуя огурцы и сладкие перцы, нарезанные дольками, заедая хлебом черным и белым, утирая лица поставленными салфеточками в цветок.

– Культурно тут у вас, – заметил с удовольствием гитарист, грузный мужчина чуть за сорок с наполовину уже облетевшими кудряшками. Молоденький барабанщик с выразительным носом моргал сонно, не привык еще выпивать на жаре. Будущая свекровь предложила положить его на часик на диван, и товарищи повели парня вслед за хозяйкой. Пока он спал, достали яркие, как в телевизоре, цыганские народные костюмы, попросили утюг и разглаживали их привычно.

– Часто у цыган поете? – полюбопытствовал хозяин.

– И у цыган... и вместо цыган...

– Как вместо цыган?

– Так, приходим в ресторан и выступаем, цыганский ансамбль «Ай да ну да най».

Людам нравится.

Будущий свекр удивился.

– И никто не замечает подмены?

– Цыгане замечают.

– И что, сердятся?

– Нет. Смеются.

Хозяин засмеялся тоже.

Брат его съездил за фотографом, нескладным длинным мужчиной с лицом и голосом Василия из кинофильма «Любовь и голуби». Фотограф на цыганской свадьбе был впервые, озирался с любопытством.

– Снимай скорее, – волнуясь, говорил хозяин и вытирал усы от натекающего на них пота.

– Что снимать, невесты нет еще? – недоумевал фотограф.

– Столы, столы снимай, пока свет. Предвечерний свет – самый красивый...

Фотограф принялся расчехлять свою фотографическую аппаратуру. А столы были хороши.

По центру стояли вазы с одуряюще пахнущими цветами – розами, лилиями. С цветами в мисочках со льдом стояли разномастные бутылки – с вином, водкой, газировкой, минералкой. Лежал на блюде румяный поросенок, длинный, словно жертва мутации или столкновения с асфальтоукладочным катком – это он посередине был ловко составлен из трех поросят. Из ушей поросенка торчали розы, во рту глянцевым боком блестело яблоко, глаза были из маслин, хитро блестели. Лежала фаршированная щука во всю свою длину. Граф тихо сказал фотографу, что щуку поймал он, и показал на прислоненные к стене дома снасти – в попытках их забыли убрать. Фотограф впечатлился и отдельно сделал портрет жениха с щукой. Потом пошел вокруг столов, стараясь ничего не упустить: ни горки груш, яблок и мандаринов, ни нарезанных кружками и составленных обратно ананасов, ни кокосов с девственно целой скорлупой – хозяева не знали, как их есть и подавать, – ни выложенных красивыми пирамидками ровных, разрезанных пополам огурчиков, ни шести видов салатов, разложенных по гигантским хрустальным салатницам, ни сырных-колбасных нарезок. Попали в кадр огромные миски маслин и оливок, жестяные старые блюда с шашлычными горками, розетки с подливками и магазинными соусами, гигантские голубцы, пироги с пирожками открытые и закрытые, принесенный под объектив и тут же унесенный прозрачный холодец и всякая всяческая снедь, о которой фотограф знать никогда не знал и увидел впервые. Следом шел с видеокамерой хозяйский племянник, двоюродный брат жениха, и фиксировал стол для ютуба.

Когда фотограф было начал захлебываться слюной, столы закончились, и хозяйка усадила его поест шашлыка и прочего и налила водочки стограммовый стаканчик – «чтобы линзы не потели». Фотограф начал себя чувствовать вольготно.

Музыканты разбудили своего юного товарища, напоили его холодной минералкой, и он стал, бодр и весел, со всеми вместе переодеваться в цыганский наряд.

Цыгане тоже уже все переоделись, мужчины ходили в костюмах с отливом, в белых двойках, женщины почти все в индийском или других блескучих платьях, над черными волосами, убранными в пучки и замысловатые модные косы, покачивались тропические тряпичные цветы. В предзакатном солнце нестерпимо сияли массивные, сложные серьги женщин и потные лбы мужчин. Все выглядело очень культурно и кинематографично.

Приехали будущие свойственники. Кортёж был длинный, весь из белых машин, пышно украшенных и цветами, и лентами; фотографа оторвали от стола и бросили на групповые портреты. Портрет за портретом, то мужчины, то женщины, то толпа одетых в белое девочек с корзинками в руках – в корзинках были лепестки, чтобы кидать их, когда молодых будут благословлять.

– А невеста-то какая из них? – спросил маму Граф, разглядывая толпу девушек в разноцветных сари. Будущая свекровь пригляделась.

– А вон та, в золотом... фигурой похожа, и видишь, с букетом стоит и стесняется.

– Почему же не в белом?

– Ты что, в белых сари в кино только старухи ходят...

У той, что в золотом, и правда был пышный букет из белых цветов в руках. А еще целая корона из цветов на голове. А вот в лицо ее Граф было не узнал, лицо было так густо покрыто сверкающим цветным макияжем, что не узнала бы невесту и родная мать. Стесняться невеста, впрочем, хоть и стеснялась, но Графа оглаживала веселыми и жадными глазами с ног до головы. Жених приосанился и как бы между прочим выбил чечетку. Девушка в золотом сари подняла букет и уткнулась в него лицом, сияя глазами поверх нежных лепестков. Граф почувствовал, что свадьба начинает ему нравится.

Хозяйка поправила прическу и пошла фотографироваться с невестой. Ее бордовое платье замечательно сочеталось с золотым сари, и она решила, что это к добру.

Музыканты ненавязчиво заиграли Шуфутинского. Солнце принялось закатываться совсем, заметно стемнело.

– Прожектора-то, прожектора забыли поставить, – взволновался хозяин. Прожектора должны были высвечивать его, стоящего с иконой в руках, пока к нему идут на поклон молодые. Вот тут кусок сценария был взят из американского кино. Граф с Анжелой должны были, взявшись за руки, под свадебный марш пройти по дорожке, настеленной вдоль столов, как к алтарю, к будущему свекру и по пути их осыпали бы лепесточками девочки. А потом бы вспыхнули гирлянды за лентами, освещая весь двор. Икона с белым кружевным рушником уже лежала наготове, девочки время от времени принимались в шутку драться, так что количество лепесточков в корзинках немного уменьшилось.

Хозяин с братом побежали доставать прожектора из подвала и разматывать провода. Граф, пользуясь тем, что не включили еще никакого света, подобрался к девушке в золотом.

– Щуку-то видела? – спросил он нежно. – На столе щука лежит. С мою руку. Это я с утра поймал. Вон удочки...

Девушка захихикала из-за букета.

– Это же на карасей удочки, щука бы сломала.

«Умная, – с удовольствием отметил Граф и нежно погладил голый, неразличимый в тени девушки локоть. Девушка локоть убрала, но не сразу. – Нравлюсь», – с еще большим удовольствием отметил жених.

– Я щуку потом поймаю, для тебя, – пообещал он.

Девушка снова захихикала и немного отошла. Граф подвинулся на шагок следом за нею.

– У меня зачётка с собой, хочешь посмотреть? Я в институте учусь... Рубенса знаю. Картины его. Там таких красавиц рисовал...

Граф чуть не добавил – «голых», но вовремя прикусил язык.

Девушка поддержала культурный разговор, чуть высунувшись из-за букета.

– А в Москве сейчас выставка Ай...вазовского. По телевизору показывают, очереди до Кремля. Вот от Кремля до музея.

– Это хорошо. Искусство надо любить. Когда народ культурный, его никто не победит.

Прожектора установили и подключили. Расстелили дорожку, поставили немного помятых и взлохмаченных девочек вдоль нее. Цыгане нетерпеливо толкались в сумерках, заглядывались на поросенка. Готово было все, и дальше тянуть было некуда.

– Ну все, ну все, жених, невеста, на ковер, скорее! – заторопились будущие свекровь и теща.

Граф вытянулся в струнку у дорожки и нетерпеливо поглядывал налево, где должна была встать невеста. Его отец торжественно сиял иконой под скрещенными лучами прожекторов и тоже ждал. Отец невесты на нервах беспрестанно жевал маринованные опята.

Тем временем никак не могли найти невесту. Заглядывали и в те помещения, которые при приличных цыганах не называют, и в погребы, и в машины – невесты не находилось нигда. Наконец хозяйка усмотрела девушку в золотом сари и подтащила ее за руку к дорожке. Но только Граф потянулся к ней, как девушка отскочила.

– Ты чего, доча? Ты не дури, все уже обговорено, вставай да иди, – увещевала будущая свекровь. – Ты не стыдись, стыдиться потом будешь.

– Да это ж не та, – подбежала будущая теща. – Не та, не Анжела!

– А кто?!

– Да это же племянница моя, это Кристинка.

– А что она с букетом?

– Так подать должна была Анжеле букет. Подружка невесты.

– А та, та-то где?!

– А Анжела сбежала. С Митькой из Тулы сбежала, пока все садились и ехали, – звонко сообщила Кристинка. – Я видела.

– А что ты, дура, молчала-то? – схватила за сердце будущая свекровь.

– А что ты, дура, так громко сказала сейчас? – схватила за голову будущая теща.

Будущий свекр чуть не выронил икону, но сумел передать ее брату все же целой и с угрожающим видом двинулся к будущему тестю.

– Невесту-то... Невесту не привез, а? Свадьба-то... свадьба во сколько встала, а? – бормотал он на ходу и грозно шевелил усами.

Гости стали быстро передвигаться по двору, разбиваясь на две не очень равные группы. В воздухе пахло скандалом, цыганским судом и гигантской неустойкой.

И поросенком, который томился весь вечер зря.

– Ну что ж, давайте эту тогда, – сказал Граф.

– Кого, меня? – звонко уточнила Кристинка и застеснялась.

– Как же эту, если ту сватали, – остановился несостоявшийся свекр. – Айшварию-то... Анжелу.

– Ну а что ж, мне мама на эту показала, что невеста, я уже привык к ней. Давайте на этой женюсь тогда.

– А Анжела, сватали ж Анжелу, – гнул свое хозяин.

– А родители ее где, родители кто, – всполошилась хозяйка. – А вдруг она засватанная, Кристинка ваша?

– Незасватанная, мы ее с пяти лет растим как родители, – сказал Анжелин отец. – Мы ей папа и мама, и дядя и тетя, и никто у нас ее не сватал, сиротинушку.

В глазу у него блеснула слеза.

– Конечно, не сватали, она же страшила, – наивно и громко сказала кто-то из девочек. Кристинка заплакала и пошла, пряча лицо в букет, прочь. Девочка вытащила телефон и стала показывать:

– Вот же фотография ее, вот они с Анжелой, тут Кристинка ненакрашенная.

Хозяин схватил телефон и стал рассматривать:

– Не Айшвария... Нет, не Айшвария... Та – да, а эта...

Граф сунулся посмотреть тоже. С фотографии знакомо, как над букетом, блестели большие глаза. Все остальное было так себе, не взглянешь. А глаза были знакомые и веселые.

– Ну тут что поделаешь, коли привык уже к такой, – рассудительно сказал жених. – Давайте уже меня женить-то, что время тянем.

– Вон, салаты заветриваются, гости устали в темноте стоять, музыканты тоже одетые все, давайте с Кристиной женить, – сунулась и хозяйка.

– Да ведь обман! Да сватали мы ведь другую, красавицу! Единственному сыну моему! Единственному! А эта ваша...

– Ленты с гирляндами, – шепнула хозяйка. – Уж такую красоту приготовили, индийское кино! Давай так женить, а эти пусть за свою Анжелу потом перед людьми стыд едят.

Хозяин подумал и сказал:

– Ведите Кристинку.

И пошел стоять под прожекторами с иконой.

Граф встал в начале дорожки, девочки запустили руки в корзиночки.

Цыганки привели Кристину – у нее под глазами совсем немного расплылась тушь. Глаза от этого казались еще больше. Граф осторожно взял в свою руку мягкую и теплую Кристинкину ладонь и повел. Музыканты играли марш. Девочки азартно засыпали жениха с невестой лепестками.

«Нужна мне ваша Анжела, которая с кем попало убегает, – думал Граф. – Из-за этой дуры с утра на рыбалку не пустили. А Кристинка рыбалку понимает. И привык я к ней, опять же».

Молодые опустились на колени, поклонились образу. Свекр благословил, отдал икону снова брату, поднял детей и соединил их руки опять. В этот момент, как и было запланировано, вспыхнули светодиодные гирлянды по всему двору, засверкали сквозь яркие ленты, и стало все невыразимо прекрасным – и молодые, и пустивший слезу свекр, и поросенок с розами в ушах.

– Горько! – пьяным голосом крикнул счастливый фотограф.

– Кому горько, тому нальют касторки, – крикнул в ответ свекр.

Граф увел Кристинку в темноту, в подготовленную в доме комнату.

– Не боишься? – спросил, вынимая букет из рук. – У меня шампанское тут спрятано, сначала можем поесть-попить.

– Успеем? Простыню ждут...

– А что на голодный-то желудок. Они водку пьют, а праздник-то наш.

Граф нашарил бутылку и штопор, вытянул пробку.

– Стаканов нет...

Молодые сели на край постели, стали пить из горлышка. Граф с руки кормил невесту таралетками с икрой, стянутыми заранее. Икра была еще хороша.

– Не боишься? – спросил снова.

– А ты? – спросила Кристинка и засмеялась.

– А я потихоньку, – сказал Граф и стал ее целовать.

А на улице музыканты в цыганских костюмах играли и пели «Джимми джимми аджя аджя», фотограф упал на щуку, а свекр и тесть учили всех танцевать, как в индийском кино.

Олег Жданов Случай с Бобруйской

Серафима Федоровна участвовала в ста пятнадцати тысячах двухстах свадебных церемониях и никогда не была замужем. Больше всего на свете она ненавидела романтический трепет рук и блеск глаз при оглашении отрывка из Семейного кодекса Российской Федерации. Эта и другие свадебные ми-ми-ми вызывали у нее рвотный рефлекс, и единственной подругой, с которой она могла всем этим поделиться, была Борислава Тихоновна из комнаты номер 14, которая была расположена чуть дальше по коридору. Серафима Федоровна работала в отделе по регистрации брака, а Борислава Тихоновна занималась расторжением семейных уз. Вот уже тридцать лет они вместе пили чай в обеденный перерыв и делились впечатлениями от потоков человеческих судеб, которые ежедневно и буднично проносились у них перед глазами.

– Ты видела, как женихи плачут? У меня вчера один при обмене кольцами разрыдался...

– У меня, конечно, чаще бабы режут, но в среду у парня лет тридцати слезы выступили, когда я им штампы о расторжении шлепала...

– Слабаки... раньше невесты в обморок падали, а теперь... Вчера Ленка из Кутузовского звонила, там невеста жениху нос сломала за то, что он опоздал на десять минут.

Унизанная рубинами рука поставила на блюдце цветастую чашку. Серафима Федоровна посмотрела в окно. К загсу походкой, которую вряд ли можно было назвать бодрой, приближалась пара.

– Эх, точно к началу приема и не подпрыгивают от счастья. Мой диагноз: по залету...

– Нее... просто они сами от себя в шоке...

– Сейчас посмотрим...

* * *

Эмоции вошедшего мужчины скрывали запотевшие очки и клочковатая борода с сединой. Он был спокоен и хотел казаться благожелательно-равнодушным. Она была его ниже и моложе, но надрыва в движениях и в голосе не было. Ее губы изгибались в приятной улыбке, создающей очаровательные ямочки на обеих щеках.

«Значит, не по залету. Просто она его студентка или сотрудница».

Молодые, вернее, не очень молодой и молодая, присели на стулья и тревожно выложили на стол документы. Серафима Федоровна выдержала паузу для охлаждения страждущих пожениться, но из кабинета никто не выбежал. Тогда она взялась за бумаги.

«Упорные. Ипотека, наверное. Или заграничная командировка может сорваться».

Серафима Федоровна взяла в руки многочисленные справки и, привычно наслаждаясь не их содержанием, а властью над состоянием брачующихся, стала их изучать. Молодые же вдруг переглянулись с теплой счастливой улыбкой от нее ему и с уверенным счастьем от него ей.

«Идиоты. Ну она ладно, молодая. Но он-то чего? Романтик, что ли?»

Невеста оказалась из Беларуси. Это все объясняло. Сценарий № 47. Через пять лет будут в кабинете № 14 объяснять Бориславе, что не сошлись характерами, а на самом деле просто столичный хрен произвел впечатление на девушку из провинции, и они оба сочли желание жить по-другому за вечную любовь. Посмотрим, что у жениха в достижениях.

Серафима Федоровна раскрыла паспорт жениха и сверила его с фотографией. Обычно это всех пугает, но седеющий романтик взгляд выдержал и очень спокойно улыбнулся. В этой улыбке была какая-то сила. Прописан он был на Бобруйской улице, а элитных домов на ней не значилось. Бетонный комбинат, школа полиции, кулинария, магазин и ларек с мороженым. Только два дома приличных, но опять же для семей инженеров с комбината строили, а этот скорее гуманитарий. Как он в здешних пятиэтажках оказался?

Виртуально прогуливаясь по Бобруйской улице в попытках представить сегодняшнего жениха с авоськой или с собакой на прогулке, Серафима Федоровна вдруг поняла, что название этой улицы совсем недавно где-то видела. Чтя профессиональную память выше времени визитеров, она отложила паспорт жениха и зачем-то снова взялась за нотариальные заверенные документы заграничной невесты из Беларуси.

– Бобруйск? Вы что, родом из Бобруйска? – удивление Серафимы Федоровны было вполне настоящим, ибо среднестатистический рабочий день загса ничего интересного не приносил.

– Да, это такой город в Могилевской области, – приятно улыбнулась ей невеста, – у вас есть там знакомые?

– У меня нет, но вы из города Бобруйск выходите замуж в другую страну на улицу Бобруйская. Специально подбирали, что ли?

– Нет. Так получилось. Мы в Интернете познакомились.

– Ааа, на интернет-настройках решили брак построить.

– Нет-нет. Не брак. У нас союз. И по любви. Других настроек нет. Правда.

Брачующиеся одновременно посмотрели на Серафиму Федоровну, и она впервые в этом кабинете почувствовала себя дурой, не знакомой с иными силами, кроме реальной логики заключения браков. Спасаясь от какой-то неведомой энергии, исходящей от этих странных посетителей, которые, похоже, вообще не волновались, а это было почти оскорбительно, Серафима перешла к официальному тону:

– До января дат нет. Наш загс без торжественной залы, просто придете в назначенный день и заберете свидетельство. Можете у меня в кабинете кольцами поменяться, конечно.

– Отлично. Кольцами мы уже обменялись, а торжество с читкой закона нам и ни к чему. Какое ближайшее число свободно? – жених был какой-то уж очень уверенный.

– Двадцать первое января свободно. И что, даже платья не будет?

– Зачем платье? Счастье будет, – невеста без малейших признаков паники и «ми-ми-ми» одновременно с женихом встала и потянулась за документами.

– У нас счастливый случай. Вы же сами видели: из Бобруйска на Бобруйскую. Небеса нас уже поженили. Остались формальности, – жених улыбался абсолютно искренне, и это раздражало.

Серафима Федоровна кивнула и ощутила, что ее образ предостерегающей молодых от поспешных решений стал частью никому не нужной формальности.

«Ну ладно. Случай так случай. Время покажет».

Выйдя в коридор и равнодушно минуя привычно трепетную очередь с заявлениями, она, думая о профессиональном выгорании и судьбоносных адресах, отправилась пить чай в кабинет № 14. Там обычно подтверждались все ее гипотезы, а это всегда приятно.

* * *

Серафима Федоровна жила на Кременчугской улице в пятиэтажке, которую не снесут никогда. Стабильность квартиры и дома в ее системе мироздания были так основательны, что Серафима Федоровна даже не помнила, когда заселилась в эту маленькую двушку. Ей однажды эту квартиру дали, и теперь только смерть разлучит их. В тот вечер размышления о

роли адреса прописки в судьбе человеческой не покидали уставшую вершительницу судеб, и, поднимаясь на свой третий этаж, она замечталась о кружке чая с абрикосовым вареньем и тарелке гречневой каши с молоком.

Едва ключ раздвинул тайные рычаги замка входной двери, как приветливое мурчание Марлона и Делона вывели Федоровну из одинокого, не свойственного ей смятения.

«Ироды лживые», – поприветствовала она своих котов и уже хотела было зажечь свет в прихожей, как вдруг раздался хлопок и свет исчез, так и не появившись.

«С напряжением играют. Хотят заставить дорогие лампочки покупать. Сволочи», – привычно и почти беззлобно пробормотала Серафима Федоровна и сделала шаг внутрь своей квартиры.

Света не было нигде. Аккуратно скинув туфли в прихожей, ориентируясь только на урчание котов, хозяйка направилась к еще одному символу стабильности своей обители – холодильнику. Поток света не залил коридор на дороге к кухне, и стало ясно, что перегорание случилось не у одной лампы, а значит, сволочей значительно больше. Хлопок закрывающейся дверцы холодильника прозвучал безнадежнее прощального гудка парохода.

Конечно, это случалось и раньше. Алгоритм был известен и понятен. Нужно было зажечь свечи и вызвать мастера, но сегодняшняя парочка с Бобруйской улицы внесла сумятицу во все аспекты жизни Серафимы Федоровны. За следующие девять с половиной минут она зажгла с десятков свечей по всей квартире и в изнеможении села на диван в комнате, которую называла залой.

«Свеча горела на столе, свеча горела», – непонятно откуда в памяти всплыла строчка из песни Аллы Пугачевой. Держа в руках телефон, Серафима сидела среди игры теней от свечей и чувствовала, как по тональнику на ее лице что-то течет. Вдруг очертания теней на стенах стали еще более страстными, и раздался стук в дверь.

«Сквозняки. Опять коты форточку открывали», – она утерла слезы и со свечой в руке решительно отправилась в прихожую.

Когда Серафима Федоровна уже открыла два замка и цепочку на входной двери, то вдруг осознала, что в первый раз в жизни с тех пор, как она в далеком детстве смогла дотянуться до замков на двери, она не задала ритуального для этого случая вопроса: «Кто?»

– Это Борис, электрик. Позвольте, я вам свет в порядок приведу, – почему-то без вопроса ответил приятный мужской голос за дверью.

В следующее мгновение в маленькую прихожую проник свет профессиональной напольной лампы, аромат одеколона «Консул» и голос Муслима Магомаева.

– Это займет не более пяти минут, – его негромкие слова звучали как-то по-особенному. Серафима Федоровна с трепетной свечой в руке посторонилась и почему-то молча впустила электрика.

Он вошел, что-то делал, что-то говорил голосом Магомаева, источал приятный аромат из какого-то неизвестного Серафиме счастливого прошлого, а она стояла в прихожей со свечой и слушала, слушала, слушала. И вот синяя вечность отступила, и в квартиру на Кременчугской одновременно вернулись свет и звуки. Заурчал холодильник, и загорелся свет в прихожей. Серафима увидела Бориса в тот момент, когда он что-то говорил, что если возникнут вопросы по электрике или бытовым приборам, то она может ему позвонить. На этих словах он полез во внутренний карман элегантной рабочей куртки, и оттуда на пол прихожей ринулись визитки, паспорт и еще какие-то бумажки.

– Простите, – бархатистый звон его голоса как будто сотню раз отразился от всех поверхностей скромной прихожей.

Серафима присела и быстро подняла несколько документов, не выпуская все еще горящую свечу из руки. Паспорт Бориса в ее руке открылся, и она подавала ему его примерно

так, как это делают на таможне. Борис смущенно улыбнулся, и тогда ее взгляд скользнул по строчкам паспорта:

«Борис Владимирович Вернов. 6 мая 1964 года, город Кременчуг».

Серафима задула свечу и вдруг каким-то очень тонким голосом пролепетала:

– У меня еще микроволновка барахлит, не посмотрите?

* * *

В закрытом от посторонних тайном сообществе сотрудников загсов свадьба Серафимы и Бориса обсуждалась почти год. С тех самых пор адреса проживания женихов и невест при подаче заявлений принято читать особенно внимательно. Теперь это примета. Если регистрироваться приходит пара, у которой адрес одного из партнеров совпадает с городом рождения другого, – это к свадьбе. Причем не только их, но и кого-нибудь из сотрудников загса. Не сомневайтесь, уже не раз проверено.

Стелла Прюдон Тётъ Хачой

1

Ох, как я намучилась с этим товаром, только Всевышний, дай бог ему здоровья, знает. При этом и покупатель, и продавец с запросами были, о-го-го, а проблем и у тех, и у других – вагон и маленькая тележка, как говорится. Думала, никогда с рук не сбуду, и вот, сбыла же. Только тётъ Хачой так может. Сейчас приедем – увидишь, что я правду говорю, ни одного слова неправды в моих словах нет. Парень, ты нас правильно везешь? Я же тебе сказала, Дом торжеств «Роял Палас», Воробьевы горы же есть, нам туда надо. А то молодежь сейчас такая, в одно ухо влетает, в другое вылетает. Ты сам откуда? Из Баку? А я сама из Дербента, думала, что ты наш, дербентский парень, очень уж похож на наших. Ты не наш, не еврей горский, нет? Жаль. Что – тётъ Хачой? Этот нам все равно не подойдет, он муслим. Засмущалась, ишь ты. А нечего смущаться, не шестнадцать лет тебе, ох, далеко не шестнадцать. Просто иной раз смотришь, парень простой, баранку крутит, а присмотришься, у него и образование есть, и бизнес есть. Людей жалко стало, подобрал, довез. Был у меня один такой... Приехали? Сколько мы тебе должны? Это у вас цены такие? Грабят и не краснеют!

Ишь, смотри, все знакомые лица, как будто из Дербента не выезжала, сейчас начнется, тётъ Хачой это, тётъ Хачой то, как мы рады вас видеть, как ваше здоровье, как ваши дела... Ну, что я тебе говорила? Улыбайся, не смотри так, будто у тебя корову украли, скорбное лицо не делай. Шалом, мои дорогие, *чуй хаберу? Хубе, хубе*. Иди, я тебя поцелую, такой большой стал, мужчина, когда женить будем? Какой рано, не рано уже. Мужчина! А я вот племянницу привезла, чтобы дома не скучала. Что? Почему только одну взяла? Здоровье уже не то, сейчас у меня только штучный товар, эксклюзивный, как говорится. Ты посмотри на нее, покраснела. Это хорошо, что покраснела, кожа белая, *син-сини*, вот и краснеет. Ну что ты стесняешься, здесь все свои, чужих нет. Правда же, Русланчик? Он мне как сын, вы все мне дети. А *хуна* когда начнется? Через час? Ну мы пойдем, а то все места разберут, мы ничего не увидим.

А ну-ка не засматривайся на него! Видела, круги какие у него под глазами? При чем тут почки? Говорят, он в плохую компанию попал, наркотиками балуется. Мы тебя с ним даже знакомить не будем, потом отец скажет, что я тебя с наркоманом свела. Мне ведь не просто галочку поставить. Вай, сколько народу, яблоку негде упасть. Пропустите, пропустите. Здравсье, здрасьте, *хубе-хубе*, поздравляю вас, *худо кумек*, да, дай бог, дай бог. В добрый час. Наконец прорвались. Пока со всеми не поговоришь, не отпустят ведь. Надо же, главный раввин России сам *хулу* делать будет, а ну-ка доставай телефон, сфотографируй нас.

2

Ненавижу эту старуху. Она обращается со мной как с вещью. Будь моя воля, никогда бы с ней за стол не села, не то что на свадьбу идти. Но отец кричит, мать кричит, замуж, говорят, выдать надо, уже двадцать. А если я не хочу замуж? Я им этого, конечно, не сказала, но они сами унюхали, вот и подняли кипиш, эту старую сплетницу наняли. Просят, умоляют, выручите нас, тётъ Хачой, мы в долгу не останемся. А она носом крутит, цену себе набивает. «Мне деньги не нужны», такая. Пришлось пообещать ее родственника в самый престижный московский институт устроить. Услуга за услугу. Ходила со мной по бутикам, ни на шаг не отступала, отец ей двадцать тысяч евро на одежду отстегнул. Эта надпись Dolce&Gabbana на платье меня просто убивает. На сумке написано Chanel, а были же без надписей, но она говорит, что надписи – это самое главное. И даже ободок – и тот с логотипом! Говорит, ребята запах денег почуют, ей легче будет, а моя «личность-шмичность» никого не интересует. Хочу провалиться сквозь землю. Ну зачем она представила меня этому Руслану как племянницу, а потом назвала товаром? Тошно-то как! И тычет мной в лицо каждому, посмотрите, посмотрите, как будто я не человек, а лошадь. Я думала, она сейчас зубы мои начнет показывать. Сейчас, говорит, золотые коронки уже нельзя, если что-то не так, то только дорогую металлокерамику делать, и чтобы незаметно было, что не твои зубы. Вот зачем мне было об этом рассказывать? Мне и так тошно, я себя последней идиоткой в этом наряде чувствую. Как корова на льду на этих высоченных каблуках. Изо всех сил пытаюсь сохранить равновесие, а она мне острым ногтем в бок тычет и командует: «Выпрямись! Улыбайся! Покажи свои белые зубы! Покажи свою тонкую талию!» И это еще даже *хуна* не началась, а что будет дальше? Мне даже подумать страшно! С ней все здороваются, как будто она селебрити какая-то, все про здоровье спрашивают, на меня так хитро косятся. Видимо, им даже не надо врать, что я племянница, все все понимают, а мне от этого так муторно на душе!

3

Видишь парня в синем костюме? Вон в том, который ему в спине тесен. Жених! То, что не красавец, это полбеда, но он еще и сирота. Еще год назад был гол как сокол. Приходит, значит, ага, и требует: «Жените меня, тетя Хачой, на хорошей девушке, с хорошей спиной, я в долгу не останусь». А я ему: Игнат, дорогой мой, ну куда тебе жениться, тебе бы сначала на ноги встать. А он: я отблагодарю, я отблагодарю. Пожалела его, говорю – бог даст, разбогатеешь, отблаговаришь. А потом началось: одна девушка слишком высокая, вторая – слишком глупая, третья не так посмотрела, четвертая не то сказала... Полгода с ним провозилась. Думала, что не смогу ему помочь, но человек предполагает, как говорится, а бог располагает. Пойдем, говорю, к одной девушке, к последней, говорю, а если и она тебе не подойдет, то тогда я больше, дорогой мой, работать с тобой не смогу. Ага. Так и сказала. Только, говорю, сначала к Боре зайдём, я его сыновей женю, фотографии показать надо. А Борис, к слову сказать, человек не бедный. Журнал «Форс» же есть, он его в какой-то список богатеев включил. Заводы, фабрики у него, а машин столько – шейху не снилось. Сидим мы, значит, фотографии смотрим, я ему девушек расписываю. Вдруг грохот такой – думала, землетрясение. Врывается нечто невообразимое. Вся в черном, волосы красные, круги под глазами в пол-лица, серьги где только можно, в носу, в губе, в брови... во сне если такое приснится, навсегда сна лишишься, а тут наяву. «*Аи чуни?*» – спрашиваю. Боря бордовым стал. Девчонку за локоть схватил, за дверь выставляет. Иди в свою комнату, кричит. А она ему: «Я не в тюрьме, хочу уйти – и уйду. Ты мне никто, чтобы командовать!» А он ей, я чуть в обморок не упала: «Я твой отец!» Что? Я даже очки взяла, чтобы лучше ее рассмотреть. О-ё, похожа на него – как две капли воды. А потом ему еще столько грубых слов было сказано с ее стороны. «Ты, – говорит, – убийца. Если бы ты вовремя помог, мама жила бы». А он ей: «Я не знал, что она болела, что ей помощь нужна». Она разрыдалась и выбежала, а Игнат, который до этого сидел в телефоне, за ней кинулся. Тут Боря его и заметил. Я ему все рассказала, и он мне все рассказал: что по глупости с русской бабой на стороне погулял, а у нее, оказывается, дочь от него родилась. Просил никому не рассказывать. Ни один сын на него так не похож, как эта девчонка. И характер его – взрывной. По душам поговорили. Поплакался он мне. Ну, думаю, пора нам с Игнатом уходить, а его все нет и нет. О чем они там так долго кумекают, пойду, говорю, потороплю. Идем мы с Борей к ней в комнату, а они сидят спокойно, как ни в чем не бывало, и в какую-то компьютерную игру стреляют. Игнат, говорю, мы опаздываем. Никуда мы не пойдем, говорит. Остались, значит, у них обедать. Что потом было, я не знаю, только Игнат как в воду канул. Слухи шли, что он сильно поднялся. А через год приходит ко мне, просит, чтобы я для него Бориса дочь засватала. Я ушам своим не поверила. Где Борух Пинхасов – а где он? Звоню Боре, говорю, хочет один парень посвататься к твоей дочке. А он даже не удивился! Приходите, говорит, с Игнатом на шаббат, Анечка сама халу испечет. Тут, как говорится, у Всевышнего свое на уме. *Чижой одоми дорд доге, жун одоми унжо де*, что у человека болит – там его и душа. У них душа в одном месте. Это все судьба. Кажется, начинается. Стань прямо и улыбайся, тебя потом на видео рассматривать будут!

4

Я ей говорю, тёть Хачой, не надо со мной как с вещью. Я человек! Я хочу институт закончить, профессионалом стать, а она ухмыляется и такая, как будто по-доброму, но я-то знаю, что она только притворяется: «Вай, доченька, – говорит, – ты человек, но тебя Все-вышний создал женщиной. А для женщины что главное? Не институты-шминституты кончать, а быть женой своему мужу». Я так и знала, что она это скажет! С Семочкой почему, спрашивает, все пошло наперекосяк? А потому, говорит, что жена стала перетягивать одеяло на себя. Я спрашиваю, с каким таким Семочкой, а она только глаза закатила. Неужели тот самый, о котором все газеты писали после того, что он сделал с Ясмин? Я ее обожаю!

– Это вы его с Ясмин познакомили?

– А кто же? Когда Сема ее засватал, ей и семнадцати не было. Откормил, отполировал, известную певицу из нее сделал. Из грязи в князи, как говорится. Дурак! Жена должна на мужа как на солнце глядеть, глаза зажимуривать, взгляд отводить, не перечить, не болтать. А она на одно его слово три своих вставляла. Слухи ходят, что она с танцором шуры-муры крутит. Вот он и побил ее немного, чтобы мозги вправить.

Я хотела возмутиться, но тут какой-то дядька, которого она назвала Боренькой, повел нас к *хупе*, на места для близких родственников. И тут я увидела их. Он-то ладно, но она! Какие-то перья и ключья вместо платья (Хачойка шепнула, что оно – от известного дизайнера и тридцать тысяч евро стоит), а на голове – ёжик! Странная какая-то.

Долго раввин читал какие-то молитвы на иврите, так долго, что у меня разболелась спина, а жених и невеста повторяли за ним, но я ничего не понимала, потому что не знаю иврита. У мужика в клетчатом пиджаке сбилась кипа и так смешно обнажила лысину, что из меня вырвался смешок. Хачойка подумала, что я чихнула, и протянула мне носовой платок. Видишь, шепнула она мне, правду говорит. Только теперь я заметила, что молитвенная часть закончилась и раввин уже мажет лоб жениха пеплом.

– Это значит, – сказал он, – что мы носим траур по разрушению храма. Машиах еще не пришел, но мы знаем совершенно точно, что скоро он придет.

Потом раввин пустил по кругу бокал с вином, все отпили, и жених разбил бокал. Когда пришло время выдавать молодоженам свидетельство о браке, *ктубу*, вышла заминка. Вообще-то ее должна брать мать жениха, в крайнем случае – мать невесты, поэтому раввин замешкался, стал спрашивать, кто вместо матери, и тут жених показал на Хачойку, и она взяла *ктубу*. Судя по всему, она этого не ожидала, поэтому даже прослезилась и попросила меня вернуть носовой платок. Церемония закончилась, все бросились под *хупу* обниматься, а я была рада, что скоро можно будет сесть.

5

Что-то я расклеилась. Надо взять себя в руки. Ничего, сейчас веселье начнется, слезы высохнут. Парень, подскажи, кому *омбороку* давать? В конвертик и в ящик? Как все стало... не по-человечески. Раньше куда лучше было. Кто-то из родственников с тетрадкой сидел и деньги принимал, столько-то Арона дом, столько-то дом Бени дал. Бывало, богач богачом, а жалкие копейки принесет, о нем потом молва дурная шла; а бывало – бедняк, но не жадный, его хвалили и возвышали. Эту тетрадку потом всю жизнь хранили. А теперь что? Подпиши для меня, дочка, Хачой-*шидханим*, тысяча евро, твой отец дал мне на *омбороку*, дай бог ему здоровья, фамилию не нужно. Вай, кого я вижу, это же мой... *сал саат зиёшь*, сто лет жить будешь, только о тебе вспоминала, она не даст соврать.

Как хорошо, что мы его встретили, видела, каков? Убедилась? Заново жениться хочет, ну и правильно. Ну и где нам сесть? Ничего не понятно, столы пронумерованы. Вот придумали! Раньше присел куда бог пошлет и ешь-пей-веселись, а теперь так нельзя. Теперь у каждого места свой номер. Сынок, у тебя списки? Вот молодец, узнал старую тётъ Хачой... Меня все знают, тётъ Хачой же тебе не халва по рубль двадцать. Как громко музыка играет, у меня скоро голова как тыква будет. Люди когда на свадьбу приходят, охают-ахают, красивая пара, говорят, идеальная пара. Как познакомились, спрашивают. Случайно? Случайностей не бывает! Мне одной известно, сколько труда это стоило, иной раз мозоли на языке появляются. Но я никому ничего не скажу, я не сплетница. Я – всего лишь руки Всевышнего, это он сам там наверху решает. А благодарность... Скажут «спасибо», и то хорошо. А некоторые ведь, бывает, и «спасибо» не скажут. Бывает, приходят люди – эти хуже всего – и спрашивают, сколько, мол, стоят ваши услуги. Мои «услуги», как они выражаются, бесценны! Я ради денег разве это делаю? А эти приходят, все у них по-деловому... не по-человечески. Может, им еще и договор – со сроками? А у нас какие сроки? Бывает, после первой встречи кольцо надеваем, а бывает, год-два ждать приходится, пока подходящая пара не подберется. Мы не на базаре, здесь судьбы решаются! Даже Всевышнему семь дней понадобилось, чтобы Адама с Евой свести... Ребята знают, что их мало, поэтому наглеют. И девушки – туда же. Вон идет одна. Я ей такого мальчика предлагала, пальчики оближешь: в Германии живет, компьютеры же есть, он про них все знает, а она заладила – хочу жить в Москве, у меня здесь работа, родители. Дура дурой, и смотреть не на что. Парень тот у меня живо ушел, как горячий пирожок ушел... Зиночка, мое солнышко, только о тебе вспоминала, сто лет будешь жить, красавица моя. Фигурка точеная, глазки умные. Ты ж мое сокровище. Скоро я тебе еще одного покажу, не пропадать же добру. Да, москвич, сорок лет, ну тебе же тоже не семнадцать уже. Двадцать пять – это не шуточки. Зато дети красивые от него какие рождаются, у него их трое – и все как на подбор! Загляденье, а не дети! Почему с детьми не хочешь? Они же не с ним живут, ты ему новых народишь, пора бы и тебе уже о детках подумать. Ну, как знаешь. Музыка так громко играет, уши закладывает. Поесть, что ли? Что у нас тут? Черная икра, шашлык из осетрины. Парень, иди-ка сюда, принеси мне с того стола, где равнины сидят, кошерного шашлычка, я не кошерное не ем... Вот молодец, спасибо. Надо было Боре сказать, чтобы все столы кошерными делал, а то не пойми что. Ну ладно, хорошо хоть подсуетились, девочка *гиюр* прошла, наши танцы выучила. Видела, какая лезгинка у нее хорошая? Талантливая девочка, отцовские гены.

Ох, размять бы кости. Ты видела, там деньги бросают? Если бросают, я не пойду. Не бросают? Тогда что же мы сидим, пойдем, сейчас тётъ Хачой покажет класс, ты не думай, я хоть и старая, но молодежи фору дам. Моя любимая песня, *бирекет, бирекет, бирекет*... И ты сюда иди, моя хорошая, и ты, и ты... Вот так, вот. *Бирекет, бирекет, бирекет*. Стань ровней, спину выпрями, голову подними, что ты стоишь как старуха, у тебя шея лебединая,

а ты сгорбилась, надо товар лицом выставлять. Диана, ты – принцесса, запомни это. Фуф, жарко. Видишь парня, нет, не пузатого, а худого. Высокого. Он на тебя смотрит. Ну и что – лысый, ты бы занималась ценными бумагами... Не фукай мне, такие ребята на дороге не валяются. Если приглашать будет, ты не отказывайся... иди давай. Он рукой тебя позвал. А как он тебя должен приглашать на танец, на коленях? Ишь ты, принцесса. Куда пошла? В туалет? Одна не ходи, я с тобой одну девочку отправлю.

6

Когда мы стояли у ящика для *омбороку*, к нам подошел тот самый Семен Ильясов. Он – ровесник моего отца, но выглядит моложаво, потому что красит волосы. Они с Хачойкой отошли в сторонку и долго о чем-то шептались, а потом она сообщила, что Сёмочка снова хочет жениться – на молоденькой девственнице. На последнем слове она так выразительно посмотрела мне в глаза, аж искры летели. А я не собираюсь оправдываться! Если хочет верить слухам – будто меня видели с каким-то русским парнем – пусть верит. Как же тошно! Как это возможно, что даже для человека, который старше меня на целых тридцать лет, я недостаточно хороша?

Когда мы вошли в зал, я увидела, что такое – настоящая роскошь. Хачойка сказала, что в зале две половины: левая – для миллионеров, министров и раввинов, а правая – для остальной родни. Мы думали, что нас посадят справа, но нас повели налево и посадили за один стол с известным голливудским актером. Хачойка сначала подумала, что он наш, и начала с ним базарить на *джуури*, но он замотал головой, поэтому ей пришлось перейти на русский, а переводчику переводить. Ее интересовали два вопроса: степень его еврейства и женат ли он. Когда выяснилось, что он не еврей и женат, она потеряла к нему интерес. Так наш стол разделился надвое: мы с Хачойкой и актер со свитой. Когда подходили к Хачойке, актер напрягался, думая, что это к нему за автографом, а потом облегченно вздыхал, с интересом наблюдая за нами. Но скоро и о нем прознали, и к столу стали подходить с двух сторон: к актеру за автографом, к Хачойке просто так.

Тамадой назначили Ульганта. Он так смешно шутил, что я на время забыла, для чего я здесь, и смеялась, пока Хачойка не сказала мне, чтобы я постаралась не смеяться открытым ртом, потому что это нескромно, и мне следует только улыбаться – она изобразила губами дугу, – но я не могла себя контролировать и смеялась как смеется. Вряд ли я когда-нибудь еще увижу всех этих звезд, российских и зарубежных, имена которых мне даже лень перечислять. Поэтому я даже обрадовалась, когда Хачойка потащила меня танцевать, во мне было столько энергии, захотелось подвигаться, а не сидеть весь вечер на одном месте. Но на танцплощадке она меня так достала со своими «улыбнись тому, посмотри туда, сделай спину ровной, потанцуй с тем-то», что я хотела кричать, но вместо этого всего лишь отпросилась в туалет, как двоечница, чтобы сбежать с урока. Старуха отправила со мной какую-то знакомую, потому что даже в туалет приличные девушки в одиночку не ходят. Это уже просто невыносимо! Я хотела закричать во весь голос: «Оставьте меня все в покое» – и бежать. Но тут я вспомнила про отца, про мать, которые никаких денег не жалеют ради того, чтобы устроить мою судьбу, и я покорила. Какой-то мудрец сказал: если не можешь изменить обстоятельства, растворяйся в них, как кофе растворяется в кипятке. И я решила, что пришел момент, мне тоже пора раствориться. Я зашла в кабинку и стала глубоко дышать. Я растворяюсь, растворяюсь, растворяюсь. Я уже не выпирающий из гладкой поверхности кусок железа, я уже часть этой гладкой поверхности. Я больше не борюсь; с этой машиной невозможно бороться, невозможно ее победить, невозможно переубедить людей, что они не правы. Можно только поддаться или сделать вид, что поддалась, и плыть по течению. Течение такое мощное, меня уносит, уносит, уносит. Так есть шанс, что я останусь цела. Выхожу из кабинки, улыбаюсь тонкой ниточкой сопровождающей меня девушке. Держу спину ровной. Девушка тоже улыбается мне. Мы выходим в фойе, она держит меня за руку, как если бы мы были подружками, хотя я даже не знаю ее имени. Но мне все равно, мне хорошо и спокойно. Она ведет меня, как слепую, но не наверх, где танцуют, а на улицу.

– Пойдем, подышим, – говорит она, – а то на тебе лица нет, бледная такая.

Я очень хочу подышать. На улице холодно и хорошо. Мы идём к парковке. Стоящие муравьиными ульями мужчины смотрят нам вслед. Прячемся за огромным черным «Бентли», и она машет кому-то, кого я не вижу, рукой. «Наш водитель, – говорит, – он не выдаст». Копошится в сумке, достает со дна сигареты, зажигалку, предлагает мне. Я отказываюсь. Мне нравится просто стоять рядом и смотреть на дым и черное небо в белый горошек. Она докуривает, пихает окурок под машину, машет водителю, и мы идем обратно к входу.

– Марк, а салют когда будут пускать? – слышу я ее капризный голос. – Мы с Дианой хотим посмотреть.

Она знает, как меня зовут?

– Не знаю... – протягивает Марк и пристально смотрит на меня. – Минут десять еще.

– Тётъ Хачой там, наверное, нервничать будет, что я ушла и не возвращаюсь, – лепечу я.

– Тётъ Хачой нервничать не будет, – спокойно отвечает девушка-без-имени. – Она знает, что ты со мной. И с моим братом.

Мы стоим втроем, молчим и неловко улыбаемся. Марк нарушает молчание:

– Как погода в Дербенте?

– Очень жарко, – говорю.

– И в Нью-Йорке жарко, – говорит он.

– А вы в Нью-Йорке были? – спрашиваю. Мне становится жарко от его взгляда. Что за глупый вопрос – конечно, он там был, если рассказывает о тамошней погоде.

– У него там бизнес, – говорит девушка за него. – Приехал на три дня, на свадьбу.

– А я никогда не была в Америке, – говорю я.

– Ну теперь-то уж точно побываешь, – уверенно говорит Марк.

Мне стало жарко и холодно одновременно, а он был спокоен, как бог, и улыбался. Я не успела ничего ответить, потому что вдруг стали гроыхать салюты и все взметнули взгляды в полыхающее алым небо.

Когда салют закончился, Марк пошел со мной к нашему столу, на чистом американском поговорил с актером, как будто они – давние друзья, а потом долго обнимался с тётъ Хачой. Вдруг она вспомнила, что ей срочно надо с кем-то переговорить, и ушла, так что Марк сел на ее место. Даже не помню, о чем мы говорили, все вылетело из головы, но о чем-то мы точно говорили, ведь не могли же мы все пятнадцать минут молчать. Наверное, он спросил что-то про мою будущую специальность, а я как дура все забыла, говорят же, ветер в голове, вот так у меня было. Туда-сюда дует. По-моему, я сказала ему, что главное предназначение женщины – быть опорой своему мужу. Неужели я могла это сказать? Кажется, я это и вправду сказала, потому что тётъ Хачоюшка потом похвалила меня за эти слова. И откуда она только узнала? Какая же она хорошая и умная, и мудрая! Как же я ее недооценивала. Боже, хоть бы он позвонил, он обещал позвонить. Не помню, как мы дошли до машины, но когда мы сели, я положила тётъ Хачой голову на плечо. «Тётъ Хачой, – сказала я, – он же сам первый позвонит? Или мне ему позвонить?» А она только погладила меня по голове, как самая заботливая мать, и сказала: «Утро вечера мудренее».

Мария Воронова Неотложное состояние

Романов приехал в приемный покой, когда товарища уже увезли в операционную. Он понимал, что ничем не может помочь, но возвращаться домой и спокойно лечь спать казалось ему стыдно и неправильно. Дежурная сестра разрешила ему посидеть в пустом коридоре, в полумраке которого, казалось, притаились смерть и отчаяние.

Поежившись от внезапно нахлынувшей тоски, он нахмурился и сжал кулаки, думая, как бы уговорить судьбу оставить Лешку в живых.

Вдруг сестра, разговаривавшая по телефону, положила трубку и подошла к нему.

– Вы на машине?

– Да...

– А можете привезти нашего доктора из дома? Ее срочно требуют в операционную, а все «Скорые» на вызовах.

– Да, конечно! – он вскочил, не дослушав.

Романов родился и вырос в этом городке, поэтому адрес нашел без труда. Остановившись у подъезда, он стал ждать, не глуша мотора.

Белая ночь была на исходе, и вдалеке за крышами уже показывался бледный краешек солнца. Возле подъезда на клумбе бестолково росли какие-то цветы, но разглядеть их Романову не удалось. Хлопнула дверь, и появилась невысокая женщина в спортивных брюках и футболке, с щеткой в спутанных волосах.

Не здороваясь, она села в машину и продолжила расчесываться.

Не тратя время на церемонии, Романов тронулся.

– Кто он вам? – спросила женщина хмуро.

– Друг детства.

– А! Что ж у вас такие друзья, ночью пьяные за руль садятся?

– Он трезвый был.

– Да? Ну все равно, спать надо по ночам, а не приключения искать. Тошнит уже от вашей удали!

– Послушайте, – не выдержал Романов, – зачем вы так? Я понимаю, три часа ночи, но все же...

Женщина презрительно фыркнула:

– Молодой человек, в радиусе ста километров я сейчас единственный специалист, который может спасти вашего друга. Поверьте, мне это обстоятельство нравится еще меньше, чем вам, но такова реальность. Поэтому просто закройте рот и быстрее везите меня в больницу.

Что ж, его, палубного летчика, не надо было два раза просить ехать быстрее.

Через несколько минут он затормозил у приемного, но не дождался похвалы своему водительскому мастерству. Пассажирка молча вышла из машины и быстро скрылась в дверях больницы.

Романов немножко полюбовался на восход, а потом вошел в знакомый коридор и занял свое место на скамеечке.

Дежурная сестра, миловидная женщина средних лет, проходя мимо, улыбнулась ему и сказала, мол, теперь, когда приехала Тамара Викторовна, точно все будет хорошо.

– Что-то Тамара Викторовна больно суровая у вас, – вздохнул Романов.

– Ну а как ты хотел, парень? Чтобы она вас, обормотов, каждую ночь почти с того света вытаскивала и еще в десны за это целовала? Спасибо, ребята, что не даете отдыхать?

Романов ничего не ответил, не в силах разобраться в собственных чувствах. Он так и не разглядел лица женщины, но решил, что она должна быть очень противной, но на душе стало гораздо спокойнее, когда он узнал, что Лехина жизнь теперь в руках этой мрачной бабы.

Чтобы немного отвлечься, Романов попытался читать книгу в телефоне, но буквы никак не складывались в слова. В полете он умел взять волнение под контроль, но сейчас была совсем другая ситуация. Романову казалось, если он станет психовать, переживать и тревожиться, то все обойдется, а если сразу начнет надеяться на лучшее, то лучшее как раз и не случится.

Они не виделись с Лешей двенадцать лет, с тех пор, как закончили школу. Романов поступил в военное училище, а Леша остался работать на градообразующем предприятии и заочно выучился на инженера. Когда Романов приехал в отпуск, они с другом детства созвонились, договорились встретиться, и, видимо, его номер остался последним в Лешином телефоне, поэтому фельдшер «Скорой» набрал именно его.

Романов взял у отца машину и помчался в больницу. Сидя в приемном, он думал, что надо сообщить родным, но не знал, кому звонить. Его мама, болезненная женщина, ради которой Леша остался в городке, умерла несколько лет назад, с женой друг развелся, а кто у него сейчас, Романов не знал. «Ладно, – решил он, – будем надеяться, Леша скоро придет в себя и сам всех известит».

Время тянулось мучительно медленно, но все же прошел час, а потом и полтора. Устав сидеть, Романов прошелся по коридору, подошел к дежурной сестре и спросил, не надо ли съездить за лекарствами или куда-нибудь еще. Та покачала головой.

Наступало утро, и больница потихоньку оживлялась. Лампы дневного света включили во всю силу, мимо Романова стали ходить люди в медицинской одежде, и ему сделалось неловко за свое бестолковое сидение. Он вдруг сообразил, что операция длится уже почти три часа, и разволновался.

Тут появилась девушка, так экстравагантно одетая, что Романов невольно отвлекся от своих тревог.

Он неважно разбирался в моде, но тут, заворуженно глядя на грубые черные «готские» ботинки, короткую юбку странного переливчатого цвета, открывающую длинные стройные ноги, сложную прическу с розовыми прядями и яркий макияж, вынужден был признать, что это все по отдельности, может быть, вульгарно и ужасно, но вместе создает цельный и, что там, весьма притягательный образ.

– На какой еще операции? – воскликнула девушка громко. – Она что, забыла, что выходит сегодня замуж?

Романов наострил уши.

– Нет, это ж ни фиги себе поворот! – продолжала девушка. – Прихожу утром ее причесать, так дома никого! Я бегом на работу, и пожалуйста, подтверждаются мои худшие опасения! Что, нельзя было хоть в ночь накануне свадьбы не дергать человека?

– Мы честно всем звонили, но только Тамара Викторовна взяла трубку, – сказала сестра.

– Ну и что теперь делать? Регистрация в одиннадцать!

– Так еще времени полно...

– В Питере!

– Я отвезу, – вмешался Романов, – сейчас половина восьмого, должны успеть.

Смерив его острым взглядом, девушка накинула халат и побежала успокоить Тамару, что все продумано и решено, чтобы невеста спокойно заканчивала операцию.

– Это наш лучший терапевт, – улыбнулась медсестра в ответ на его вопросительный взгляд.

Прошло еще не меньше сорока минут, прежде чем девушка появилась в коридоре вместе с Тамарой Викторовной. За это время Романов успел испереживаться не только за друга, но и за хирурга, как это она опоздает на собственную свадьбу. Он не мог уже сидеть спокойно, мерил шагами коридор, прокладывал в голове наиболее удобный маршрут и мысленно проводил ревизию своего транспортного средства. Слава богу, вчера съездил на заправку, как знал, прямо.

Молодые женщины неслись почти бегом, но, увидав Романова, Тамара Викторовна притормозила.

– За мной, – крикнул он и побежал на улицу, – все расскажете по дороге, время дорого.

– Домой сначала, – экстравагантная девушка прыгнула на переднее сиденье, – не в трениках же ей замуж выходить.

– Все нормально с вашим другом, тьфу-тьфу, – сказала Тамара совсем другим, теплым голосом, – денек побудет в реанимации, а завтра сможете уже навестить его.

– Спасибо.

Не успел он затормозить, как девушки выскочили из машины и скрылись в подъезде. Немножко зная женскую натуру, Романов решил, что успеет вздремнуть, но то ли бессонная ночь дала о себе знать и он уснул мгновенно, то ли девушки оказались собранными и стремительными, только не успел он закрыть глаза, как сразу очнулся от стука входной двери.

Тамара Викторовна бежала, высоко подобрав подол свадебного платья, в туфлях на невысказанно высоком каблуке, а следом за ней, топая своими «гриндерсами» и высоко вскидывая тощие колени, неслась лучший терапевт города.

Как только они залезли в машину, Романов тронулся.

– Паспорт не забыли? – строго спросил он и вырулил на трассу.

На часы он не смотрел принципиально. Все делается максимально быстро и так, и незачем себя изводить мыслью, что время уходит.

Девчонки завозились сзади, терапевт наводила на невесту красоту, и Романов не удержался, кинул взгляд в зеркало заднего вида так, чтобы увидеть лицо Тамары. Во всей ночной суматохе он так и не успел ее разглядеть.

Спасительница Лехи оказалась совсем молодой женщиной, наверное, его ровесницей или даже моложе, с лучистыми, почти прозрачными серыми глазами в обрамлении густых черных ресниц. «Ого!» – подумал Романов с завистью к жениху.

– Должны успеть, – сказал он как мог убедительно и пошел на обгон.

– Ну вы все же это... Помните, что мы торопимся в загс, а не на кладбище, – фыркнула терапевт немного неразборчиво, потому что держала зубами шпильки.

– Спокойно!

Вскоре стало ясно, что они все же опоздают.

Романов вздохнул, почему-то чувствуя себя кругом виноватым. Он сам еще никогда не женился, но надеялся, что в этом деле тоже царит непунктуальность, и задержка в полчаса не станет критической, а может быть, еще и ждать придется.

– Много народу вы пригласили? – спросил он.

– Нет, церемония скромная, слава богу. Родители жениха, пара его друзей и Наташа, вот и все. Вас тоже приглашаю.

– Спасибо. А почему скромная?

– Ну не знаю... – вздохнула Тамара, а Наташа довольно резко прикрикнула, чтобы Романов следил за дорогой, не отвлекаясь на всякие подробности, и тут же сама и выболтала ему, что подруга встречалась со своим женихом целых три года, прежде чем он созрел для предложения, и что семейка там в принципе хорошая, но слишком уж практичная, а Тамарка

просто молодой врач, поэтому денег хватило только на кольца да на платье, а пьянки и свадебные путешествия нормальным людям ни к чему.

– Так и надо, – сказал Романов, не потому, что действительно так думал, а просто поддерживать Тамару.

Пока они проталкивались через небольшой заторчик, Наташа успела причесать и накрастить подругу.

Пользуясь короткой остановкой, Романов обернулся на секунду: Тамара выглядела такой обворожительной, что у него захватило дух, и он не сразу вспомнил, куда торопится.

Улыбнувшись ему, Тамара взяла телефон, предупредить жениха об опоздании.

– Да, дорогой, я еду... – говорила она спокойно, но хмурилась, – попробуй уговорить регистратора перенести на час... послушай, ну что мне было делать?... можно подумать, я хотела прямо идти на эту операцию... да, специально столкнула две машины, чтобы опоздать в загс... ну форс-мажор, что ты хочешь... да, ты прав, не нужно было вообще брать трубку, но лучше опоздать на полчаса, чем весь день себя грызть, что не взяла и человек помер... ладно, не злись...

Кажется, в ответ Тамара не услышала ничего ободряющего, потому что отложила телефон с тяжелым вздохом.

– Ничего, я договорюсь, – пообещал Романов, – тетки меня обычно любят.

Наконец он затормозил у дверей загса, несколько более резко, чем требовалось, чтобы показать, как они торопились.

От стоящей возле дверей небольшой группки людей веяло холодом, и Романову захотелось заслонить Тамару от их высокомерных взглядов, пронизывающих, как лучи смерти.

– Тамара, что ты себе позволяешь? – спросила, выступив вперед, мощная дама с бетонной от лака прической. Легкий шелковый костюм сидел на ней, как броня.

– Это я виноват! – вскричал Романов. – И сейчас же все исправлю! Буквально две минуты, и все будет!

Он бросился внутрь и довольно быстро нашел сотрудницу, которая должна была проводить бракосочетание, и сбивчиво объяснил причину опоздания.

Сотрудница, маленькая черноволосая женщина, поджала губы:

– Хорошо, но что я могу сделать? Вы пропустили назначенное время.

– Так я ж и объясняю, – стал горячиться Романов, – что пропустили не просто так, а по уважительной причине!

– Да? А может, вы все придумали?

– Слушайте, давайте позвоним в больницу, и там подтвердят мои слова! Невеста же доктор, давайте сделаем для нее исключение!

– Она доктор, а я ведущий специалист загса, и я свою работу выполняю! Не мешайте, молодой человек, у меня сейчас регистрация пары, которая соизволила прийти в назначенное время.

– Но послушайте!!! – взревел Романов. – Она тоже могла сегодня ночью сказать «нет», и что? Приехала бы вовремя, но человек бы умер!

– Кто вам что по ночам говорит, это ваше личное дело. Все, идите, не заставляйте меня охрану вызывать.

В отчаянии он выбежал на улицу, лихорадочно думая, что можно предпринять. Позвонить отцу, чтобы быстренько договорился в местном загсе, и рвануть туда? Четверых он возьмет на борт, а остальным закажет такси...

На улице не оказалось никого, кроме Тамары и Наташи. Девушки сидели на низкой скамейке.

– А все, уже не надо, – сказала Тамара скучным голосом, – спасибо вам за все.

– Жених свалил, – ответила Наташа на его изумленный взгляд, – сказал, что так даже лучше. Что женщина, опоздавшая на собственную свадьбу ради какой-то вонючей операции, никогда не сможет стать хорошей женой. Раз так любит работать, пусть Гиппократу дает!

– Господи, простите, ради бога!

– Наоборот, – усмехнулась Тамара, – так действительно лучше.

– И что будем делать?

– Домой поедем, что еще?

Романов огляделся. Нельзя просто взять и отвезти домой брошенную по твоей вине невесту. Надо что-то сделать. Тут он заметил, что на крыльцо вышла статная дама в костюме и машет ему рукой.

– Молодой человек, – сказала дама царственным тоном, когда он подошел, – я слышала ваш разговор.

Он хотел сказать, что вопрос разрешился самым прискорбным образом, но дама жестом заставила его замолчать.

– Врач – святая профессия, – неторопливо продолжала она, – и мы должны делать для этих подвижников все, что возможно. Так что я вас регистрирую.

И тут Романов понял, что ему необходимо сейчас сделать.

Он бесцеремонно взял женщину за локоть:

– Слушайте, тут вообще такая ситуация...

Через час молодожены и Наташа сели в машину.

– Здорово, что так получилось, – сказал Романов, – сейчас позвоню родителям, они будут в восторге.

– А они не обидятся, что так внезапно? – спросила Тамара.

– Слушай, ты хирург, я – летчик, папа – спасатель, а мама – следователь. Если бы мы заранее назначили дату, кого-нибудь из нас обязательно вызвали бы на службу в этот день.

– Логично.

Романов вел машину не спеша, наслаждаясь новым статусом женатого человека и поглядывая на новенькое обручальное кольцо. К счастью, ювелирный магазин располагался в соседнем доме, и они успели туда сбегать, пока в загсе готовили бумаги.

Тамара с Наташей притихли на заднем сиденье, разглядывая фотографии скромнейшей из всех церемоний, которые подружка невесты сделала на свой айфон.

Романов был счастлив и спокоен. Только что Тамара позвонила в больницу, и ей сказали, что Леша в полном сознании и прекрасно себя чувствует. За родителей он тоже не волновался, они познакомились в трамвае и, выйдя из него, сразу понесли заявление в загс. «Говорят, надо узнать человека, прежде чем жениться, – ворчал отец, – господи, какая чушь! Если ты влюблен, то объективно судить о человеке невозможно, а если нет, то не нужно. А вот когда ты ничего не знаешь, но абсолютно уверен, это как раз то самое состояние!»

– Ты же совсем меня не знаешь, вдруг я окажусь жуткой стервой? – спросила Тамара, и Романов почему-то не удивился, что она так попала в его мысли.

– Что ж, легкой жизни я никогда не искал и от трудностей не бегал, – улыбнулся он.

Елена Помазан На седьмом

На горячее подавали сочные хинкали с зеленью и запеченную форель в сливочном соусе. Национальное грузинское блюдо почти все ели руками: откусываешь – и мясной бульон обжигает язык и нёбо. Официанты ловко подливали в бокалы вино и меняли грязные тарелки на чистые.

Пока гости угощались, их развлекали акробаты. Жених с невестой уже выглядели уставшими и несвежими, как розы, что стояли здесь же на праздничном столе. Только в рекламных проспектах и школьных грезах свадьба – это красивый праздник, в действительности – адская работа по организации и первый серьезный «краш-тест» для новой семьи.

Вика Веселова доедала свой салат на кухне ресторана. Ее давний друг, хозяин хинкальной, с которым они уже сделали не одну свадьбу в Москве, грузный и татуированный казах дядя Азамат, заботливо спросил:

– Кофэ хочэш?

Вика заглянула в сценарий свадьбы. Да, на кофе еще было время. После акробатов будет песенный номер, а только потом ее выход – вести дальше свадьбу. Впереди – очередные конкурсы и свадебный торт. Важный кремовый красавец томился здесь же, на кухне хинкальной, смиренно ожидая своей участи – быть разрезанным и съеденным. За первый кусок торта обычно назначается цена гостям: такая народная традиция. На кавказских свадьбах платят особенно щедро – однажды первый кусок купили за тысячу евро, но такое случалось редко. Вика работала в свадебном сегменте так называемом «эконом+»: делала свадьбы для простых людей, которым главное – чтобы было весело.

Вика добавила в кофе ложку сахара, набрала номер мужа, который значился в записной книжке телефона как «Любимый», и после пяти длинных гудков услышала обрывок самой хитовой свадебной песни Москвы: «Мама Люба, давай-давай!», а потом уже родной голос Никиты.

– Драка была? – весело спросил муж.

– Еще нет... – отозвалась Вика.

– А у нас уже гости из Нижневартовска что-то не поделили с пацанами из Железнодорожного. Отец невесты оказался подполковником полиции, вызывали наряд. Но уже все мирно. Я еще два часа, до полуночи, и домой. А ты?

– Я до конца. До последнего гостя, – Вика тяжело вздохнула. – Ник, волнуюсь я... Насчет Марка и этой почасовой няни... Ты думаешь, все будет хорошо?

– Все будет хорошо, Вика... Ты о каждой новой няне волнуешься...

– Да, но как-то беспокойно... Жаль, что соседке Светке нельзя ребенка на ночь оставлять...

– Мы и так немного злоупотребляем ее гостеприимством, Вик...

– Ничего. Она не работает, дома сидит, как барыня. Ну ладно, милый, пока! Я буду поздно. Ложись, не жди. И поцелуй от меня Марка. Мама его любит. Очень сильно.

Слова мужа Вику немного успокоили, но на душе все равно было гадко.

Их сыну Марку недавно исполнилось два с половиной года. Когда у Вики с Никитой совпадали заказы на свадьбы (как сегодня), приходилось вызывать почасовую няню на вечернее время и даже на ночь. Понятно, что каждый раз новую. На постоянную няню у них просто не было денег – сезонность свадебного бизнеса, съемная квартира, маленький ребенок, никаких родственников в Москве...

– Эй, Вика! Тэбя ждут гости! – дядя Азамат осторожно тронул ее плечо.

И тут же свирепело рывкнул на официантов: «Не курить! Чтобы руки табаком не воняли! У нас – рэсторан, а не вокзальное кафэ».

Вика включила радиомикрофон, который все это время лежал рядом с ней на столе. Поправила волосы и хорошо поставленным голосом сказала, выходя в зал: «Дорогие гости, давайте поблагодарим чудесную Кристину Майерс за прекрасную песню... (раздались нестройные аплодисменты и пьяный смех) и немного разомнемся...»

* * *

«Черт, опять забыла номер домофона». Вика мерзла у входной двери подъезда. Начало марта: слякотно, темно, промозгло. А она в дубленочке, без шапки и в «концертных туфлях» – так Вика называла высоченные каблу на платформе и шпильке, в которых обычно вела свадьбы. Она так устала сегодня, что вызвала такси на автопилоте, забыв переобуться. На Вике было платье в блестящих пайетках, которое шуршало при любом движении. Это очень эффектно смотрелось на сцене и видео, но сейчас, ранним мутным утром на окраине Москвы, она была похожа на золотую рыбку, выброшенную из аквариума.

Звонить мужу не хотелось. Наверняка Никита уже спит, да и Вика боялась разбудить сына... Малая вероятность того, что в четыре утра кто-то из соседей будет проходить мимо. Разве что какой-нибудь собачник, страдающий бессонницей, выведет свою псину на прогулку... Черт, черт... Вика жала замершими пальцами на металлические кнопки домофона. Обычно Вика записывала номера домофонов их новых квартир, но тут забыла... И «таблетки», которая автоматически открывает дверь, тоже с собой нет. Она осталась на связке ключей у Никиты.

«Ну черт возьми... 67кл89... 67км98...» – Вика силилась вспомнить код.

Это была не первая съемная квартира семьи Веселовых в Москве. Просторную, но загаженную «двушку» в Чертанове они нашли с огромным трудом. Никто не хотел брать семью без официального места работы, без регистрации, да еще и с ребенком. «А он у вас плачет? На стенах рисует?» – допрашивали риелторы. К счастью, нашлась Карина Вагановна, полноватая армянка, директор стоматологической клиники в подвале дома у метро, которая сжалилась над провинциалами Веселовыми и сдала им квартиру по «приемлемой цене» – двадцать пять тысяч в месяц плюс коммуналка.

Вика устала. Она отработала свадьбу с двенадцати дня до четырех утра: до последнего пьяного гостя, которого увез таксист «Убера». Ей очень хотелось домой, но эта чертова дверь...

– Вы к кому?

Вика так погрузилась в свои мысли, что не заметила, как возле нее появился мужчина. От него пахло коньяком и едва уловимыми женскими духами. А может, показалось, что «женскими»? Распахнутое пальто, идеальной белизны рубашка, дорогая обувь. Холеный, уверенный, наглый, в руках – айфон последней модели...

– Я здесь живу.

– Я тоже здесь живу. С рождения, – с нажимом сказал незнакомец.

– А я... А мы шесть месяцев и две недели как... – почему-то оправдываясь, ответила Вика.

Мужчина посмотрел на нее с недоверием, но оценивающе.

Пискнул домофон. Теплый, немного канализационный запах подъезда ударил в нос. Лифт заворчал, что его так некстати потревожили. Со скрипом открылись двери. Незнакомец и Вика молча вошли внутрь. Мужчина вышел на седьмом этаже.

Уже в дверях спросил у нее:

– Актриса?

Вика отрицательно покачала головой.

– А выглядишь как...

Вика нажала на кнопку двенадцатого этажа, и лифт, чуть похныкивая от старости, понес ее вверх.

Она тихонечко открыла ключом дверь квартиры, сразу, не снимая дубленку, вошла в спальню. Маркуша сопел в своей кровати, обнимая плюшевого слона с рваным ухом. Никита, раскинув руки и ноги в разные стороны, занимал почти всю супружескую кровать... «Любимые...» – с нежностью подумала Вика. И на цыпочках отправилась в ванную комнату.

Старый паркет скрипел, сантехника сначала кашляла, как туберкулезник, а потом выплевывала воду. Побитая эмаль раковины, желтая от возраста советская ванна, жуткого цвета плитка... Вика каждый раз вздрагивала, когда видела все убожество очередной съемной квартиры. Но выбирать не приходилось.

Вика взяла пару ватных дисков и привычным движением стала стирать «боевой раскрас» – тушь, нарисованные брови, весь этот яркий и не любимый ею макияж. Но что поделаешь, работа... Всем гостям в зале должно быть хорошо видно мимику ведущей. На секунду Вика замерла, вспомнила слова незнакомца: «А выглядишь как...» – нет, незнакомец промахнулся. Никита был ее единственный мужчина, совсем. Первый и неповторимый. Почти десять лет счастливого брака, рука об руку, несмотря на все жизненные сложности. Сексуальный опыт равный единице. Без возможных многоточий...

Умылась. Нанесла питательный крем на лицо. У Вики была яркая внешность – рыженькая, с зелеными глазами, острым носиком, как у лисички из сказки. Отличная фигура, которая совсем не утратила своей прелести после рождения ребенка. В детстве Вика мечтала стать актрисой. Как говорили все, у нее «были данные». С десяти лет она посещала театральную студию в Вологде, планировала поступать в Щукинское училище, но не сложилось...

Весь романтический флер от театра улетучился в один вечер, когда тринадцатилетних актрис попросили подработать официантками на корпоративном банкете владельца городских заправок. Дядька был отвратительный – лоснящийся от пота, лысенький, ремень его брюк врезался в толстый живот, который выдавал любителя попить пивка. Хозяин бензина и солярки чувствовал себя королем мира и не видел проблем, чтобы лапать несовершеннолетних официанток. На девственную душу Вики это произвело такое ужасное впечатление, что она бросила ходить в театральную студию при провинциальном ДК.

Актерские данныегодились Вике после школы, когда она стала подрабатывать ведущей корпоративов и свадеб в ресторанах Вологды.

Ей казалось, что это легкие деньги и почти каждые выходные будет праздник. И тарелка супа с куском мяса...

Вика погасила свет в ванной комнате, а вместе с ним и воспоминания о прошлом. Она заснула сразу же, как провалилась в глубокую нору...

– Мам, ам.

Ручонки сына обвили Викину шею. Мальчик громко говорил ей в ухо: «Ам, ам, ам!»

Никита сидел на диване в зимней куртке и шапке.

– Викуль, у нас нечего есть. Я в магазин. Присмотри за Марком. Я быстро!

Вика едва открыла глаза. Она спала часа три, не более... Ужасно болели ноги от высоких каблуков и голова от недосыпа.

– Который час...

– Семь пятнадцать. Поспишь в обед, ок? Я погуляю с Марком. Ну, я пошел...

Вика схватила сына в охапку и накрыла его одеялом.

– Попался, попался!

Марк хохотал, но не пытался вырваться. Он был рад матери. Соскучился.

«Да... – сказала Вика пустому чреву холодильника. Просроченное молоко, скукоженная жопка лимона, соевый соус... Даже каши нет... – Какая же я фиговая хозяйка!»

Кухня в тусклом свете единственной лапочки в люстре была какого-то мертвенного оттенка. Каждый раз Вика отчаянно и самозабвенно пыталась обжить пространство очередной съемной квартиры. Это было похоже на попытку найти жизнь на Луне. Но находились только пустые пластиковые пакеты, оставленные предыдущими жильцами. Сколько, сколько за Викину жизнь было этих брошенных, нелюбимых, страшных, вонючих квартир? Хамоватых риелторш и наглых рож хозяев. Еще лежит телепрограмма на эту неделю на телевизоре и моток пряжи с nedовязанным носком: бабушка-пенсионерка умерла пять дней назад, а ее сын уже показывает квартиру потенциальным жильцам.

Сейчас Вика сидела в комнате, где стоял кухонный гарнитур годов так восьмидесятых позапрошлого века, загаженная плита, которую было не отмыть никаким супердорогим средством, три стула с потертými от времени сиденьями, под ножками обеденного стола сложенные в восемь раз бумажки, чтобы тот не шатался... И, главное, сервант с хозяйским барахлом (который Карина Вагановна не разрешила трогать), придвинутый намертво к окну, которое совсем рассохлось, но менять его хозяйка не хотела. Жалела денег.

Марк потянул Вику за пояс халата.

– Мам, мам, на ручки!

Сын смотрел на Вику глазами, полными абсолютной любви. Даже если она самая паршивая хозяйка на земле, для ее мальчика она – лучшая мама. Лучшая. Вика взяла Марка на ручки. Обняла всего, сладкого, нежного, теплого, чистого...

– Мой хороший, мой любимый, мой золотой...

Она обнимала сына и думала, как бы она хотела, чтобы у Марка была своя детская, с кроватью-чердаком, со спортивным уголком и картиной во всю стену, где прекрасный корабль бороздит просторы океана, а на мачте флаг, на котором большими буквами «Веселовы» и «Только вперед!».

Они с Никитой давно мечтали о своей квартире, но все их финансовые схемы рушились, если случались длительные простои в работе – элементарно не шли заказы. Вика носилась по Москве – от кафе к кафе, от пары к паре, продавая и предлагая свои услуги, но иногда с первого взгляда невесты на Вику («Слишком красивая!») было件нятно, что два часа переговоров и отвратительного кислого кофе сетевых забегаювок – все зря, ее не купят. Иногда Вика сталкивалась с невестами не из своего «эконом-сегмента», холодными и неприступными, которые равнодушно листали ее портфолио, а потом бросали «деревенский стиль, нам это не подходит». Ей хотелось кричать – дайте мне шанс! Я могу, я сумею лучше! Вам понравится...

Пискнул домофон. Через пару минут появился Никита с пакетами еды.

– Пируем, Веселовы! Ставьте воду, будем варить кашу!

А потом завертелся день: понедельник – надо работать. Холодный душ, две чашки крепчайшего кофе, капли в глаза, чтобы скрыть красноту от недосыпа. Не время валяться на диване. Ранняя весна – не самое популярное время для свадеб. Среди организаторов свадеб ходит шутка, что в марте выходят замуж только по залету. Так что нельзя щелкать клювом, а надо ловить и ловить клиентов, трясти базы заказчиков, напоминать о себе, обещать делиться процентами, короче, сделать все возможное, чтобы понравиться и получить заказы на новые свадьбы... Вика полистала ежедневник в телефоне. Черт... Черт! Она забыла, что сегодня у нее встреча по очень «жирной» свадьбе на Кутузовском проспекте, а Никита уезжает на съемки корпоратива работников ломбарда, соответственно, ребенка оставить не с кем. За пару часов до встречи она вряд ли найдет няню. А это не просто заказ, это шанс! Сделать крутую, дорогую свадьбу, с нормальным бюджетом, положить ее в свое портфолио и выходить уже к другой, более состоятельной клиентуре.

Как быть с Марком? А делать было нечего, нужно было идти к соседке Свете Мамонтовой, на седьмой этаж, просить, чтобы она присмотрела за Марком. Вика вытащила чистую детскую футболку из кучи неглаженного белья, которое было свернуто в простыню и вышло гигантской «фигой» на кухне. Надела футболку на сына. Зачем-то набрызгалась духами и накрасила губы.

– Мы на седьмой! – крикнула Вика в спину мужа, который сидел в наушниках у компьютера и монтировал очередной клипчик. – Пойдем, Марк!

Мальчик закивал. Сбегал в спальню за любимым слоном и послушно взял маму за руку.

Двери очень долго открывали, а их было три. Замки, ключи, шорох тапок и сразу в нос – приятная щеколка от запаха домашней выпечки. И Светка – румяная от готовки, с неизменным «хвостиком», без косметики, в своих вечных спортивных штанах, растянутых на коленках. Ее сын, почти ровесник Марка – трехлетка Севастьян, не вышел встречать гостей. Он продолжил копаться в «Лего». Мужа Светы, как всегда, не было дома... По словам соседки, Петр Мамонтов много работал, еще тренировался – плавание, теннис...

Вика не в первый раз переступала порог этой уютной квартиры, но каждый раз ее сердце замирало от восхищения, потому что здесь было как в ее мечтах – светло, чисто и по-домашнему.

Со Светой они познакомились случайно – в первый же «выход» в песочницу возле дома после переезда. Марк подбежал к Севастьяну, заинтересовавшись его бульдозером. Света сказала Вике: «Здравствуйте! Вы у нас новенькие? Я тут всех знаю».

Сейчас Светка наливала подруге чай с чабрецом. Вика аккуратно взяла чашку, расписанную синей сеткой с золотым ободком на внутренней стороне.

– ЛФЗ, тысяча девятьсот пятидесятый год, моей бабушки сервис, по наследству достался... – прокомментировала Света.

– ЛФЗ?

– Ленинградский фарфоровый завод.

– Аааа...

На кухне фоном гудел телевизор, строгая экс-редакторша переодевала Золушек... В гостях у Светы Вика чувствовала себя так, как если с морозной улицы заходишь в теплый, натопленный автобус. И твое тело становится ватным, голова тяжелой и тупой, и ты держишься изо всех сил, чтобы не уснуть.

Светка, спокойная как танк, три года счастливо сидящая в декрете: ее вечные булочки и пироги, «игрушечки-развивашечки» для сына, обволакивающий и убаюкивающий уют чистенькой квартирки, ровная стопочка ТВ-программ на окошке с белоснежным стеклопакетом...

А за окном – школа буквой «Г», типовые пятиэтажки, мусорные баки, когтистые, измученные долгой зимой деревья, злой ветер... И совсем Вике Веселовой неохота сегодня никуда идти, продавать свадьбу, выбивать бюджет, льстить и нравиться новому заказчику... Залечь бы с Марком дома, под пледом, со сказками, потом заказать пиццу, а вечером, когда ребенок уснет, отлепить Никиту от монтажей и просто быть вместе, соприкасаясь пятками под одеялом.

– Свет... Я давно хотела тебя спросить. А почему вы не переедете в другой район? Скажем прямо, ваше Чертаново – непрестижно, район – пролетарский, ну и домик наш давно нуждается в капремонте... – спросила Вика у подруги. – Другое дело Кропоткинская, ну – на худой конец Профсоюзная... У вас же есть деньги, поменяли бы квартиру...

– Престижно-непрестижно, ну так только временщики рассуждают! Ты что?! – Света аж поперхнулась чаем. – Здесь же семейное гнездо! Корневая система нашего древа. Силища! Бабке Петра дали эту квартиру за трудовые подвиги на заводе автотракторной элект-

троаппаратуры, слышала о таком? Его еще до войны основали, на нем репродукторы выпускали. Потом в этой квартире родители Петра жили, потом она нам досталась... Родовое гнездо, домашнее королевство... Понимаешь?

Нет, Вика не понимала...

Лет с восьми Вика стояла в узком, выкрашенном в жуткий зеленый цвет коридоре и боялась войти в комнату к матери, потому что та была не совсем разборчива в выборе связей после двух стаканов водки. Если девочку не забирал кто-то из сердобольных тетушек-соседей, то она спала, положив голову себе на руки на подоконнике. Потом была общага педагогического вуза, а затем череда стремных квартир, которые они снимали уже с Никитой: сначала в Вологде, а потом в Москве.

Светкино «домашнее королевство» почему-то разозлило Вику. Она перевела тему.

— А мы с Никитой снова в Большой театр собираемся...

— А зачем?

— Что «зачем»?

— Зачем деньги тратить? Ну что там могут показать такого, чего нет по телевизору?

Вика не нашлась, что ответить.

Если честно, домоседство Светы провинциалку Вику сначала удивляло, а потом стало раздражать. Мамонтовы были коренными москвичами, но Свету ничего не интересовало, что лежало за пределами ее родного Чертанова, все упиралось в узкобытовые темы. Почему отменили автобус к рынку, где на районе лучше подбить сапоги, а в каком киоске стоит покупать овощи, и тд. Как зовут дворничиху и кто поломал качели на детской площадке. Сколько издохло собак в парке после атаки догхантеров. Кстати, Света Мамонтова знала и хозяйку Викиной квартиры Карину Вагановну, называла ее «нашей, чертановской».

Однажды Света спросила у Вики, сколько стоит проезд в метро. Мол, она там не была года три... Вика давила нервный смешок, когда Светка в первые месяцы их знакомства рассказывала, что: «Я вот в Третьяковке была совсем недавно, в восьмом классе...», «Большой театр? Не... Очень дорого...», «Парк Горького? Далеко... Лучше дома посидеть».

Света Мамонтова жила «на районе», и все, что было вне его пределов, просто не существовало. Как Америка или война в Сирии... Это там, где-то далеко, не с нами. Закрытость Светы, отстраненность от любых внешних событий, которые прямо не касались мамонтовской семьи, создавали иллюзию рая, сытого счастья, от которого растет жопа и второй подбородок, но это все ерунда. Все и так хорошо...

— Вы бы, вместо того чтобы деньги на билеты трынкать, — заметила Света, — по копейке, по копейке и откладывали бы на квартиру... В съемной, думаешь, хорошо ребенку?

Вике хотелось сказать, что ребенку хорошо там, где есть его родители. Нормальные родители, между которыми мир, любовь и понимание, но она молча пила чай и прикидывала, глядя в окно, какие сапоги стоит надеть на встречу с «жирным» заказчиком? Теплые и немодные или модные, но холодные? Увы, у нее было только по паре обуви на каждый сезон...

— Я просто хочу... Я просто хочу, хочу еще раз оказаться среди этих людей, быть с ними, как своя. Ну или хотя бы как женщина, которая просто пришла в театр, просто послушать оперу или посмотреть балет...

Вике было стыдно признаться соседке Свете, что ее муж Никита копил почти год на билеты в партер Большого (мечта Вики еще с Вологды), а она рыдала, почти в унисон оркестру, когда впервые попала в этот легендарный театр. Они с мужем смотрели какую-то оперу, название которой потерялось в ее памяти давным-давно. Вика глотала соленые слезы, кляня себя, что у нее нет носового платка. Рядом сидящая соседка, сухая старушенция с брильянтовыми серьгами размером с грецкий орех, в какой-то момент взяла ее за руку, наклонилась и прошептала, обдавая Вику сладким запахом недавно выпитого шампанского: «Это

сила искусства! Плачьте, не стесняйтесь, слезы очищают...» Богатая ведьма вложила ей в руку пачку бумажных салфеток. Вика зарыдала еще сильнее, ей хотелось сказать старухе, что не оперные страсти вызвали в ней рыдания, а это слезы победителя, который залез на Эверест, водрузил свой флаг и кричит от счастья, плачет и снова кричит холодным горам и колючему ветру, что он на вершине мира. Поход в Большой – это личный Эверест провинциалки Вики Веселовой в ее освоении Москвы. Я здесь был. Вася. Зачеркнуто. Вика.

– Еще чайку? – заботливо спросила Света.

– Ах, да...

Еще Вика вспомнила, как после Большого они купили с мужем бутылку шампанского, пошли на Манежку и там пили из горла, передавая бутылку друг другу, а потом целовались как школьники и шептали: «Это наш город, наша Москва...». Счастливые были до одури, полтора года как переехали в столицу...

– Ну давай, давай, расскажи мне про любовь... – Света удобно уселась на стуле, подперла рукой щеку. – Ну что там у тебя...

Вика знала, что вот он, сигнал, – пора-пора травить истории «про любовь». Это была ее негласная плата за помощь соседки с ребенком. Каждый раз Свете надо было рассказывать новую лав стори, очень подробно (часто Вика привирала для красоты и сюжета), но Света подвоха не чувствовала и все благодарно принимала.

– Они познакомились в самолете. Он летел в Чебоксары, а она была стюардессой...

– Он сбил ее на пешеходном переходе, а потом сам отвез в больницу...

– Она увидела его страничку в Фейсбуке и первая написала...

Вике очень хотелось рассказывать не сахарные истории про любовь, оставляя за скобками все неприглядные подробности, а по-бабьи пооткровенничать со Светкой. Какая жуткая пошлость эти бюджетные свадьбы! И как она устала от них! Караваи, битье бокалов и тарелок, хороводы, сборы денег на «мальчика или девочку», почти всегда драки, потрошения конвертов в туалете, кто сколько подарил, разборки между враждующими членами семьи, пьяные тосты... Персонал, который работает на свадьбе (ведущий, фотограф, артисты и пр.), почти всегда кормится за отдельным столом от гостей, буквально в коридоре ресторана или номере отеля, разложив еду на кровати. Нужно успеть съесть свой шашлык и побежать дальше улыбаться гостям. О флирте Вика вообще молчит, сжимая зубы, нужно уметь отбиться от навязчивого гостя, но так, чтобы не обидеть, умело отшутиться, ни в коем случае не провоцируя...

– Ох... – Света мечтательно закатила глаза, когда Вика бросила рассказывать очередную романтическую историю про любовь – Какая у тебя работа! Не работа, Вичка, а праздник!

– Свет, а ты про себя расскажи... – Вика вспомнила, что еще ни разу не спрашивала Свету о ее муже.

– Все хорошо, все хорошо, – поспешно ответила соседка. – Живем с Петенькой не хуже других. Уже одиннадцать лет как... Только работает Петя много, почти дома не бывает... Но я понимаю, все понимаю и его не тревожу расспросами. Меньше знаешь, лучше спишь.

Вике хотелось возразить, но спорить не было времени. Тем более что у нее было вполне прагматичное «дельце» – оставить Марка на три-четыре часа. Здесь, кстати, его точно хорошо покормят... Дома ничего приготовить она не успела. А Свете нет равных в искусстве домашней еды. Вика решила действовать дипломатично и снова перевела разговор на другую тему – на самую Светину любимую под кодовым названием «заниматься надо». О детях.

– Какие успехи у Севастьяна?

– Оооо! Он Агнию Барто наизусть уже знает, всю! Тридцать оттенков цветов выучил, считает по-русски и по-английски от одного до десяти. А вот этот Вова, который из соседнего

дома с косенькой бабушкой, три года и два месяца, а он только «мама» и «папа» говорит. Я его бабушке так и сказала...

«...заниматься надо!» – добавила мысленно Вика.

– Заниматься с ребенком надо! Мама карьеру делает, а восьмидесятилетняя глухая старуха дома с мальчиком сидит. Чему она его научит?

Светка от гневных речей даже раскраснелась. Вика с удивлением отметила, как легко воспламеняется ее, казалось бы, стойкая и непоколебимая подруга. Есть же темы, которые задевают Светку Мамонтову за живое.

– Светуль, можно я тебе Марка оставлю? Никита целый день монтирует, потом у него съемка, я бегу на встречу, почасовую няню мы не успели заказать... Выручи, а?

Света не возражала.

Она закрыла за Викой двери. И отправилась в ванную комнату за детскими ножницами. Усадила соседского сына к себе на колени и стала аккуратно стричь грязные длинные ногти.

– Не занимается тобой мамка... Ой, не занимается, Маркуша... Все по кафе бегают... По ночам работает... А кормит тебя чем? Пицца, сосиски, заводские йогурты, где ложка сахара на стаканчик... А педиатр? А прививки? А прогулки? А развитие?

Когда ногти были сострижены, Света достала кубики с картинками. Она показывала мальчикам кубик и просила назвать слово. Севастьян уже давно говорил отлично, а вот Марк едва выговаривал «млако», «масина» и т. д.

После занятий она оставила мальчиков играть вдвоем, а сама отправилась на кухню готовить детский обед: суп (обязательно на втором бульоне), тефтели (только из домашнего фарша), на полдник – ряженка (с фермы, мамка лично каждую неделю привозит из деревни, которая рядом с дачей).

«Ах, да... Вареники?» Света высыпала в миску крупную мороженую вишню. Она мыла ее под струей холодной воды и осуждала, да, крепко осуждала Вику Веселову. В Светином рейтинге «недоматерей» у соседки Вики было первое место.

К себе на двенадцатый этаж Вика вернулась с неприятным чувством, как будто бы она презирает Свету Мамонтову, но при этом использует. Света ласково и сердечно относилась к ее сыну, где-то даже жалела... Раз подарочек сделает (практичный – теплую шапку по погоде), два – зубную щетку и пасту с клубничным вкусом. («Вот мама будет тебе зубки чистить! Уже пора... Уже большой»). Света кормит всегда Марка прекрасно, просто до отвала, заворачивает с собой булки, домашний йогурт, дачные яблоки...

Вика понимала, что слишком часто оставляет мальчика у соседей, но у нее правда была безвыходная ситуация!

Никита не заметил, как Вика появилась дома. Он был в наушниках, но крики «Горько!» Вика слышала даже без них. Муж монтировал очередную свадьбу. У компьютера была батарея немытых чашек, две бутылки из-под энерготоника. Вика смотрела на сутулую спину мужа, его немытые волосы (в душ, видимо, еще не ходил) и жалела его, а заодно и себя... Адова работа – восьми-десятичасовые смены монтажа за сущие копейки: дни рождения, утренники в детских садах, клипы из отдыха на Кипре или в Турции для «Одноклассников» или «Вконтакте». Иногда свадебки, но редко... Для более серьезных заказов Никите не хватало деловой хватки, профильного образования и хорошей камеры. Так что в их семье Вика зарабатывала больше – одна свадьба покрывала полмесяца работы Никиты...

Муж почувствовал Викин взгляд. Обернулся. Снял наушники. Подошел к Вике и молча обнял ее...

– Устал? Устал... Ох, Никит, если бы у нас были деньги... Все было бы по-другому... – выдохнула Вика в плечо мужа.

– У нас и так все хорошо – я люблю тебя, ты любишь меня, у нас есть Марк, и мы – оптимисты!

– Да... Но я верю, что все еще может быть по-другому... – грустно ответила женщина и нежно поцеловала мужа в губы.

– Эй, Веселова... – муж игриво ущипнул Вику за попу, – помнишь, что мы зеленые?

Вика улыбнулась и чмокнула Никиту в небритую щеку.

На кухне она сварила себе кофе. Налила в «икеевскую» чашку. Ужасно хотелось спать... Вика думала о подруге. Зависть крутила хвостом и улеглась змеей под сердцем. Как можно так жить – медленно, глупо, беспроблемно («А в «Перекресток» фермерскую сметану стали завозить! Вот радость!») и... счастливо. Вика мечтала оказаться на месте Светки Мамонтовой, хотя бы пару месяцев! Вот если бы у них с Никитой были деньги! Взяла бы отпуск у судьбы – на три-четыре месяца, чтобы просто жить: готовила бы, как Светка, с утра блинчики и белковые омлетики, занималась бы с сыном, никуда не спешила, читала бы только телепрограмму и смотрела телевизор, на улицу бы выходила только за едой или в салон красоты... Не биться, не выживать, не крутиться как белка в колесе двадцать четыре часа в сутки...

Зависть зашевелила хвостом. Вика открыла страничку Светы Мамонтовой в «Вконтакте», пролистала последние фотографии – курица с апельсинами, сицилийский картофельный пирог, бефстроганов с шампиньонами, венгерский перкельт из говядины... Еда, еда и только еда. Вика везде поставила «лайки», написала восторженные комментарии: «Как аппетитно!», «Чудесно!», «Дай рецепт!» и с чувством исполненного «дружеского» долга пошла одеваться на деловую встречу.

«День закрытых дверей...» – мрачно подумала Вика, когда попала на проходную жилого комплекса «Диамант» недалеко от Кутузовского проспекта. Охранник с бульдожьими складками на лице медленно переписывал ее паспортные данные.

– А прописки нет?

– Нет.

– И регистрации нет?

– Вам какое дело, а?

Бульдожья морда противно ухмыльнулась.

– Иван! – крикнул охранник куда-то вбок. – Проводи девушку в семнадцатую квартиру, это к Ибрагимову.

Вика прошла через турникет, вышла на улицу. И ахнула. Остановилась на минуту, чтобы все вокруг хорошенько рассмотреть. Здесь были двухэтажные коттеджи, а не многоэтажки. Создавалось ощущение, что ты в Швейцарии, в горном шале, а не в Москве, на Кутузовском, где сейчас все стоит в мертвой километровой пробке. Вика почувствовала, как у нее стали подкашиваться ноги и немного задрожали руки. Она боялась. Она очень боялась идти на встречу с новыми заказчиками, потому что Вика Веселова попала на заповедную территорию Очень Больших Денег. Ей казалось, что одно ее неосторожное слово или жест – и все! Она выдаст себя с головой, что самозванка, актриса, что никакая не крутая организаторша свадеб, а обычная провинциалка, которая бьется за выживание в большом городе и зарабатывает чем может. Этот свадебный заказ свалился на нее случайно. Позвонил дядя Азамат, хозяин хинкальной, и сказал, что его друг, сослуживец, Асмет Ибрагимов, с которым они когда-то вместе охраняли границу России и Казахстана, женится. Азамат пояснил, что свадьбу надо организовать быстро и с душой, дело там срочное. Почему срочное? «Сама увидишь, – загадочно сказал дядя Азамат. – И да... Вот тебе шанс перейти на новую ступень, не всю же жизнь в хинкальных работать...»

Это правда, московский свадебный рынок очень жестко регламентирован: Вика устраивала «демократичные» свадьбы с маленькими бюджетиками, а тут, в «Диаманте» на всю округу пахло миллионами...

Три ступени вверх, и о боже мой, как в кино! Кованая ручка, которой надо стучать, чтобы открыли, а не звонок!

Вика только было хотела постучать в дверь, но та уже отворилась, видимо повсюду были камеры видеонаблюдения. На пороге стояла маленькая филиппинка в черном платье с белым, как у школьницы, воротничком. Она поздоровалась по-английски, взяла Викину дубленку.

Скользкий пол, позвоночный изгиб лестницы, много слепящего света. Вика почувствовала себя слабой и ненавидела себя за трусость и преклонение перед чужим богатством, за плебейское желание склониться в поклоне и сказать: «Чего изволите?» Во рту пересохло. Ей хотелось воды.

– Итц хиа, – произнесла филиппинка на английском и открыла дверь в гостиную.

Асмет Ибрагимов выглядел как располневший Джеки Чан. И смотрел он цепко и пристально, как кобра. У Вики в буквальном смысле задрожали руки, что не скрылось от глаз Асмета. Он, не говоря ни слова, плеснул в стакан виски и протянул девушке. Потом что-то сказал по-английски филиппинке. Вика поняла лишь одно слово «чай».

Асмет сразу перешел к делу.

– Мою невесту зовут Айбала, что в переводе с казахского «красивая, как луна». Мы планировали свадьбу на следующее лето, хотели привлекать агентство...

Асмет назвал топовое свадебное агентство, которое работало со свадьбами, бюджет которых от пятидесяти миллионов рублей.

Вика съежилась в кресле. Ей было ужасно некомфортно в этом холодном доме, рядом с этим опасным мужчиной. Одно дело уютный мир среднего достатка Светки Мамонтовой, другое дело оказаться здесь, среди кричащей роскоши она чувствовала себя как черная прислуга, что осмелилась покинуть кухню и присесть на краешек хозяйского дивана.

– Но обстоятельства изменились, – продолжал Асмет, – нам нужна красивая свадьба только для родственников и самых близких друзей примерно на тридцать человек.

– Что-то случилось?

– Случилось. Моя невеста не хочет выходить за меня замуж.

Вике стало просто очень нехорошо, до тошноты. Куда она ввязывается? Зачем ей это надо?

– И...

– Вам надо сделать нам свадьбу, через три недели, но до этого нужно уговорить невесту. Повисла пауза.

– Как? Я? Уговорю вашу невесту? – Вике хотелось добавить «Вы в своем уме?!»), но она не посмела.

Асмет пожал плечами. Налил себе виски.

– Я не знаю «как», но если все получится, то я заплачу вам миллион. После свадьбы. Если все пройдет идеально, то мы сделаем еще одну свадьбу через год. В Казахстане так принято – сначала скромная свадьба для невесты, потом – пышная для жениха. И я еще заплачу вам миллион, Виктория. Итого два миллиона.

И снова молчание. От напряжения воздух как будто бы стал тяжелым, и его можно было резать на куски.

– Хорошо. Давайте я попробую. Когда я могу с ней поговорить?

– Хоть сейчас...

– Она... Она живет здесь? – удивленно спросила Вика.

У нее были заказчики из Казахстана, простые люди, правда, но традиции уважали. Уму непостижимо, чтобы невеста ДО свадьбы жила в доме жениха. Если, конечно, родители не закрыли на это глаза или им не заткнули рот пачкой денег. Или он просто ее не украл. Такое в современном Казахстане до сих пор бывает. Ну и их разница в возрасте? Насколько Вика помнит, по казахским традициям, жених не должен быть старше невесты больше чем на двадцать пять лет...

– На двадцать семь лет... – как будто бы угадал мысли Вики Асмет. – Я старше на двадцать семь лет, но два года – это почти ничто, правда?

Вика закивала. А что еще оставалось делать?

– Не смотрите на меня так... Осуждающе... – добавил Асмет. – У Айбалы будет все, о чем она даже еще мечтать не умеет. Мы друзья с ее отцом. Родители наш брак одобряют. Айбала весной закончила школу, приехала учиться на подготовительных курсах в МГИМО. Это нормально, что она остановилась в доме друга своего отца.

Вика не поверила ни одному слову. Врет! Паршивый змей! Боже! Восемнадцать лет? Она только что закончила школу! Вчерашняя школьница...

Асмет позвонил по телефону. Появился мужчина с незапоминающимся лицом в черном костюме и черной водолазке под горло. Он провел Вику по длинному коридору и остановился у запертой двери. Магнитным ключом открыл ее.

Ни слова не говоря, ушел, оставив Вику одну.

Вика тихонько постучала. Толкнула дверь.

В комнате был полумрак. Тоскливо горел торшер у стола. И голубой свет откусанного яблока на открытом компьютере...

– Привет, я Виктория Веселова... Я...

Она сразу узнала ее. На кровати в форме розового сердца сидела девушка с рекламы денежных переводов. Эти плакаты с ее лучезарной улыбкой красовались на всех билбордах Москвы, а также в вагонах метро и журналах. «Быстрые переводы! Украина, Казахстан, Беларусь»...

– Уходите, – тихо сказала Айбала. – Пожалуйста, уходите...

– Айбала...

– Я не пойду за него замуж. Никто, никто не может заставить меня передумать! Ни мама, ни отец, ни братья! Уходите! – девушка уже кричала.

Но Вика никуда не ушла... Она присела на банкетку, которая стояла ближе к зеркалу, позади Айбалы. Осмотрелась... Во всей обреченной фигурке девушки, ее розовых зайцах и медвежатах (да еще суший ребенок!), маленькой фотографии на столе, похожей на ту, что делают в будках моментального фото, чувствовалась тоска. Вика почему-то вспомнила, как ломают со звонким хрустом молодые ветки яблонь с набухшими, но не распутившимися почками... И какие они нежно-зеленые внутри...

– Как зовут твоего возлюбленного?

– Откуда вы знаете? – с горечью вскрикнула Айбала.

– Не надо быть Вангой, чтобы не почувствовать, что здесь все пропитано несчастной любовью.

Девушка самым мелодраматичным образом кинулась в подушки и зарыдала что есть мочи...

Через тридцать минут Вика знала все... Оказывается, хитрый змей Асмет Ибрагимов, владелец системы «быстрых переводов», давно присмотрел себе в невесты Айбалу. Он был другом ее отца и своим человеком в их доме. О своем намерении жениться на Айбале он высказался сразу же. Разница в возрасте никого не смущала, нужно было лишь дождаться восемнадцатилетия Айбалы. Тем более что издавна первый этап традиционной казахской свадьбы – это предварительный сговор. Бывает даже так, что будущие родственники совер-

шают сговор еще до рождения детей, про такую чушь, как чувства и совместимость, никто даже думать не хочет. Так что ситуация Айбалы была не из ряда вон выходящей, а более чем типичной даже для современного Казахстана XXI века... Асмет, чтобы заручиться поддержкой будущих родственников окончательно и бесповоротно, каждый год инвестировал крупные суммы в их бизнес (семья Айбалы владела сетью отелей). Все шло как по плану, пока месяц назад Айбала не слетала на похороны своей бабушки в поселок Акжар. Там, оплакав прародительницу, она вдруг познакомилась с сыном местного механика – бедным и пылким студентом захолустного вуза.

Переписка. Перезвоны. Клятвы. Признания. А тут этот толстый Джеки Чан про свадьбу что-то мелет...

– Я ему сказала, что, если силой заставишь, отравлюсь! Или отпусти меня – или отравлюсь! – Айбала с блестящими от гнева глазами рассказывала Вике историю своей любви.

– Ведь главное, это любовь? Правда? – с юношеским жаром спрашивала у нее девушка. Вика молчала...

– А давай я тебе расскажу кое-что... Как я познакомилась со своим мужем. Айбала подняла на Вику удивленные глаза.

– Мне было восемнадцать лет, как тебе скоро, я училась в пединституте в Вологде, ужасно собой гордилась. Что я – Вика Петрова, дочка запойной малярши – отца у меня никогда не было, – которая все детство провела либо на улице, либо в коридоре общаги, не знающая ни ласки, ни поддержки, ни помощи, только тошнотную нищету, когда съесть кусок мяса было счастье, а поспать в чистой постели – счастье вдвойне, – вдруг поступила в институт! Для меня это был как шанс вырваться в другую жизнь, сделать головокружительный прыжок, раз – и ты Алина Кабаева! В школе я старалась хорошо учиться, читала книги в библиотеке допоздна, выписывала в тетрадку цитаты классиков, чтобы казаться умнее при случае, посещала театральную студию. Кстати, сама себя туда записала! Мне очень хотелось другой жизни, чтобы все как у людей. И вот в институте, помню, февраль, я готовлюсь к докладу по детской психологии, а есть хочется ужасно, аж сосет под ложечкой... Думаю, возьму сто рублей, куплю два «Доширака» и батон, потом вернусь обратно в общагу. Подхожу к магазину, а это такой не сетевой супермаркет, а захолустная палатка, где помимо сникеров, молока еще и водку в стаканах продавали. Товары, так сказать, первой необходимости. А возле магазина валяется пьяница. Холод собачий, а он в синтепоновой курточке, без шапки, обоссанный, руки красные, водкой несет за версту... Оставить так – замерзнет! Звонить кому-то? Кому звонить? Вдруг вижу, из-за угла бежит парень лет двадцати, с детскими санками, и кричит мне: «Оставьте! Это мое добро!» Это был Никита. Мой будущий муж. Так мы с ним познакомились.

Айбала молчала.

– «Доширак» купили? – спросила она.

– Нет, не купили. Купили бубликов, сто граммов «Мишки на Севере», пачку плавленого сыра и батон. Отвезли отца Никиты домой, а потом всю ночь проговорили на кухне. Оказалось, что мы как два инопланетянина, которые наконец-то встретились. Знаешь, какой это был разговор! «Я весь зеленый!» – «И я вся зеленая». – «Ты такой же, как я». – «Мы оба зеленые!». Как тебе это получше объяснить, Айбала... Мы прожили с Никитой очень похожие жизни, почти на соседних улицах Вологды, с той лишь разницей, что у Никиты не было матери, а у меня отца. И мы – дети пьяниц. И нам очень-очень хотелось другой, нормальной жизни. Наша встреча – это встреча инопланетян, которые хотят попасть на свою планету, но вместе. Теперь вместе. Два зеленых человечка... Через три дня мы с Никитой поженились, просто пошли в ближайший загс и поставили штампы. После того как я закончила вуз, мы уехали в Москву. Люди всегда едут в Москву, когда им больше некуда ехать. Помнишь? Это

из фильма «Русалка». Здесь стали зарабатывать видеосъемкой и корпоративчиками, потом пошли свадьбы...

Айбала сделала круглые глаза.

– Зачем вы мне это рассказали?

– Не знаю... – Вика пожала плечами. – Просто подумай, что твой жених может дать вашим будущим детям. Ты не просто выходишь замуж, но еще выбираешь отца своим будущим детям. Айбала, милая, у них будет все, о чем другие даже не могут мечтать... И это стоит того, чтобы сказать судьбе «да». Подумай, какой прекрасный выйдет из Асмета отец...

– Уходите... – тихо, но без злобы произнесла Айбала. – Я все поняла... А теперь уходите...

– Ухожу... – покорно ответила Вика, – Вот моя визитка, я оставляю ее здесь, на банкетке. Если передумаешь, то позвони мне. Будем делать самую красивую свадьбу. Твою... Ну, пока...

Вика тихонько закрыла дверь и подумала, что все, что она сказала, было чистой импровизацией, но без единого слова лжи.

И еще поймала себя на мысли, что миллион – это мало.

Надо было у змеи Ибрагимова просить больше.

...Только когда Вика устало плюхнулась меж двух полных дам в метро, она смогла чуть-чуть расслабиться. Она среди своих. Простых, неприветливых, но очень родных людей. У тетки справа были вьевшиеся черные следы на указательном пальце правой руки («Картошку чистила!» – с теплотой подумала Вика) и поцарапанное обручальное кольцо. Тетка слева читала цветную телепрограмму про очередной развод модной звезды сериалов, и от ее волос едва уловимо пахло жареной рыбой. Народ торчал в телефонах, кто-то переговаривался, два человека читали, один дедушка вез в клетке грустного сиамского кота с оборванными усами...

Вика почувствовала, что не по-человечески устала, ведь сегодня ночью она совсем не поспала, еще очень хотелось есть и чтобы... пожалели. Кто-то просто погладил по голове и сказал, что все будет хорошо. Но таких подарков она даже в детстве не получала, а что говорить теперь, когда ты женщина за тридцать лет...

Тепло метро приятно убаюкивало. Вика прикрыла глаза. Она думала про превратности любви. Сколько было уже сделано свадеб, сколько пар она поженила, но как редко встречалась настоящая любовь... «Потому что пришло время», «Потому что вместе работали», «Потому что хочется детей», «Потому что мама проела мозг, чтобы выходила замуж...», «Потому что надоело одному и заморозку из супермаркета в микроволновке разогревать...»...

Поезд метро летел вперед, и все это роскошное, изысканное, шикарное из «Диаманта» сворачивалось и уменьшалось в размерах, пока не стало просто точкой на странице еще одного прожитого дня... Просто очередной заказ...

Очень хотелось поскорей домой, в свою берлогу, но нужно было забрать сына.

На седьмом снова долго открывали. И это раздражало. Ну от кого прячутся?

Вика забежала в квартиру и сказала скороговоркой: «ПриветСветаспасибозавсеМарикэтомама!» и тут же замолчала. Сначала Вика узнала его обувь, а потом его наглую морду. Замшевые ботинки, совсем не по погоде, гордо выпячивая носы, стояли на полке в коридоре. Да, это был именно тот мужчина, который сегодня в четыре утра открыл ей дверь в подъезде. Сейчас он был в стильном спортивном костюме. Красивый, надменный, с фирменной ухмылочкой. Видимо, Петр Мамонтов и правда много тренировался, потому тело было подкачанное, стальное. Он него шел мужской ток, сразу видно, что такой не привык получать отказы.

Светка рядом с ним смотрелась старше лет на десять, замусоленная и пожеванная, как будто бы она мимо проходила, по-соседски за солью зашла... Очень странный брак, на первый взгляд...

При виде Вики глаза Петра вспыхнули. Он едва скрыл довольную улыбку.

– Это Вика... А это Петр, мой муж.

Молчание. Все так и есть... Светин муж...

Соседка прервала затянувшуюся паузу:

– Я позову Марка, они заигрались...

Света говорила так, чтобы не смотреть в глаза Вике...

Дверь в детскую была закрыта, и оттуда раздавались веселые детские визги.

Петр ощупывал Виду взглядом. Так смотрят мужчины, когда хотят оценить размер груди – третий? четвертый?

Вика внутренне сжалась и поправила шарф.

Вдруг Петр спросил:

– Вика? Да, Вика... А вы что оканчивали?

– Школу... – как дура пробормотала Вика, у нее не было сил поддерживать светскую беседу.

– А вуз?

– А вуз... Пединститут в Вологде...

– Ааааа... – доброжелательно улыбнулся Петр и вдруг сказал шепотом: – Дай телефон...

Вика опешила. Она не нашла, что ответить.

Петр смотрел на нее смеющимися глазами.

– Быстрее давай... – он игриво подмигнул Вике, кивая головой на дверь детской.

Вика покрутила пальцем у виска – сумасшедший? И отстранилась к двери, запахивая куртку.

– Мама! – Марк выбежал из детской Севы и повис на матери. – Мама! Мама! Мама!

– Ну все, все, хватит... – Вика поспешно поставила сына на ножки. – Мы пойдем. Давай руку, Марк! Не балуйся, Марк!

– Может, ребенку кофту надеть? В подъезде холодно, – заботливо сказала Света.

– Нормально... Это для закалки.

– Ну смотрите... А то я бы дала кофту Севы... А Марк так хорошо покушал у нас: и супчик, и тефтельку, и вареничек, и компот.

«Хоть кто-то сегодня поел», – подумала Вика, прислушиваясь к голодному урчанию в животе.

– Свет! Нам пора! Спасибо!

Света стала отпирать многочисленные замки своих тройных дверей.

Петр Мамонтов многозначительно протянул:

– Еще увидимся...

Никиты дома не было, видимо, ломбард гулял по полной. Вика врубила сыну мультики (ааа, все равно режима никакого нет!) и пошла в душ. Она терла себя мочалкой, поливала пахучими гелями, как будто бы хотела отодрать от себя липкий, похотливый взгляд мужа Светы. «Господи, как же теперь Марка водить туда? И бояться каждый раз столкнуться с этим мачо?» Накатывали воспоминания из детства – как бы поскорей улизнуть в коридор общаги, когда мама начинала пить с очередным сожителем... И не слышать – смеха, ора, стонов, слез, потом ора и драки... Вика прибавила горячей воды. По ее лицу, смешиваясь с водой, текли слезы, которые не приносили никакого облегчения душе и сердцу. Вспомнились умоляющие глаза этой девочки, восемнадцатилетней Айбалы, которые просили спасти ее...

«Ничего личного, принцесса, это просто бизнес...» – подумала Вика, кутаясь в махровое, пусть не очень свежее, полотенце...

Не Айбала, а Ибрагимов позвонил часов в одиннадцать утра следующего дня, когда Вика с сыном гуляли в парке. Его голос был холодным, но с едва уловимыми радостными нотками.

– Она согласна! На двадцать первое марта назначаем регистрацию! Никохом проведем накануне: только я, Айбала и мулла. Это венчание по-вашему, – пояснил Асмет. – А двадцать первого марта – Кутузовский загс, все уже решено. Завтра вы поедете с Айбалой в салон свадебных платьев, она хочет, чтобы вы были с ней каждый день...

– Да, но... – Вика хотела сказать, что у нее другие планы, она не может вот так...

– У метро «Кунцевская» вас будет ждать водитель, номер машины...

– Да, но...

– Свадьба нужна «европейская», никаких национальных обрядов, и... это... без этих ваших пошлых конкурсов.

– Да, но... Извините! Но бюджет, контракт, предоплата?

– Бюджет не ограничен, контракт не нужен. – Асмет отчеканил как по бумажке – Виктория Веселова, тысяча девятьсот восемьдесят третьего года рождения, город Вологда... Номер паспорта... Все ваши данные у нас есть. Оплата – безналичный перевод на карту или наличными с курьером. Сразу после свадьбы. До свидания!

Вика оторопело осталась стоять с телефоном в руке.

– Мама... – Марк подбежал к Вике. – Смотри!

Сын разжал руку и показал коричневую собачью какашку!

– Фу, фу... Марк! Нельзя! Это не песочек!

Вика стала очищать влажными салфетками перчатки сына.

– Расстреляла бы. Вот лично, – за спиной Вики раздался голос Светы Мамонтовой. Севастьян был при ней же в моднейшем пуховике и с огромным, самым дорогим в округе, детским грузовиком.

– Догхантерам, что ли, позвонить, пусть потравят этих песиков нафиг! Один раз я уже звонила, но, видимо, мало... – зло проговорила Света.

Вика подумала, как странно Света шутит про догхантеров. Она бы точно на такое не решилась.

– Здесь дети гуляют, а они со своими собаками! Ты знаешь, что первая причина аллергии – это собачье дерьмо, которым мы дышим и приносим на подошвах обуви домой...

– Свет... – взмолилась Вика. – Не надо... Ну с кем не бывает такого?

– С моим сыном не бывает, – заметила Света.

Вике очень хотелось сказать в ответ: «Ты думаешь, что я плохая мать?»

Но Викина чуйка подсказывала, что со Светой ругаться не стоит. Тем более что еще неизвестно, где придется оставлять Марка...

– Нам в педагогическом вузе говорили.

– Ой! – Света издала возглас удивления. – Ой, а ты что, педагог?

– Да, начальной школы... Но я никогда по профессии не работала... Мы в Москву с Никитой рванули...

– Аааа, ну тогда понятно... – облегченно сказала Света.

Мальчиков потянуло в парк. Войдя туда, они принялись скрести лопатами грязный асфальт. Снега почти не было. Зато были мутные лужи, в которых отражалось небо.

– Свет, а как ты с Петей познакомилась? – снова подняла Вика свой давний вопрос. Теперь ей было втроене интересно. – Ну расскажи...

В прошлый раз Света отмолчалась. И ничего не сказала Вике о знакомстве с мужем...

- Понравился? – игриво, но с фальшивой улыбкой спросила соседка.
- Интересный типаж, да... – миролюбиво ответила Вика.
- Как мы с Петенькой... – Светин взгляд поплыл. – Он, Вик, моя судьба...

И Света очень подробно, не упуская ни одной детали, рассказала Вике свою «лав стори», которая оказалась весьма банальной – учились вместе с первого класса: красавец, умник и спортсмен Петя Мамонтов и ничем не выдающаяся Света Горина. Светка была тайно в него влюблена всю школу, но шансов у нее не было, пока на выпускном, разогретый шампанским, Петя в шутку не сказал: «Хорошая жена – это Светка Горина, за ней будет и сытно, и спокойно», а, мол, ваша Вероника (это была звезда школы) – погулять и забыть. Была драка, скандал, но Петины слова Свете в душу запали. А тот еще возьми да и пошути: «Университет МВД закончу, приду жениться на тебе, Светка. Жди!» И Света ждала... Пять лет они не виделись, хотя тоже, как и Вика с Никитой, жили на соседних улицах в одном районе. И ведь пришел... И замуж позвал. Все очень удивились выбору Пети. Зачем? Как? Почему Светка?

- А Петька говорил: «Судьба»... – Светка вздохнула.

Вике очень не понравилась эта история.

- Ну а свадьба-то, свадьба была красивая?

– Не, Петя сказал, а зачем? Лучше мы машину купим. Тихо расписались в районном загсе, посидели у нас на кухне с родителями, собрали деньги – мы сразу сказали: никаких сервизов! Деньгами! Через неделю Петя купил себе новую машину. Меня катал. Два раза! – с восторгом сказала подруга. – Заставил на права выучиться, но я не вожу, мне не нравится...

Вика подумала, как похожи их истории со Светой, только как будто бы их вывернули наизнанку. Похожи, да не очень...

- А где работает рыцарь твоего сердца? – спросила Вика.

– Ну... – Света замялась... – Раньше в «органах», но там случилась некрасивая история... Превышение должностных полномочий... Оклеветали, ну конечно же, Петеньку оклеветали. В общем, пришлось уволиться. Сейчас у него частное охранное предприятие. Нормально зарабатывает... Нам хватает. Только много работает, иногда без выходных, с утра до ночи. Ну ты видела? Его почти никогда нет дома...

Внезапно посыпался снег. Мелкий, колючий, как крупа. Вика закрыла глаза и подняла лицо к небу. Ее сын сделал так же. Только взял маму за руку. Господи... Как хорошо... Вот так, просто гулять, просто дышать, держа за руку своего сына... Как не хочется работать...

Вдруг мокрый, желтый лист со старческими пигментными пятнами оказался на лице Вики. Ветер принес... Она чувствовала себя вот этим листом – дрожащим, побитым непогодой, оторванным от родного дерева. Да она такая же – лишенная поддержки, подпитки и защиты.

- Ой, листик! – Света глупо хихикнула и сняла лист с щеки подруги.

Светка, напротив, казалась укорененной, сильной, цепкой, такую репку и вдесятером из земли не вытащишь. Все переживет, все перетерпит – и град, и ливень, и химические удобрения, и мужицкий сапог. Жизнестойкая. И фамилия под стать – ведь мамонты не вымерли, а просто стали слонами.

– Свет, ко мне большой заказ «приплыл». Можно я иногда к тебе Марика буду закидывать?

– Приводи, почему нет? Сева его любит... – ответила Светка. – Ой, Вика! А что Сева учудил-то. Я пиццу сделала, так он от каждого куска понакусывал, а потом мне по-английски говорит: «Инаф», в смысле – «Мама, достаточно». А про скидки в «Детском мире» знаешь? Еще новая дворничиха у нас, скоро будут детскую площадку красить...

Вика трескотню подруги слушала вполуха. Света всегда на одной волне – дом, ребенок, быт... Вика составляла план, как ей за три недели сделать свадьбу Айбалы, чтобы все было

по высшему классу. Ох, как кстати этот миллион... Может быть, получится поехать к морю... Покажу Марку море... Никита отдохнет... Таиланд или Вьетнам, а может быть, Мальдивы? Гулять так гулять!

* * *

И закрутилось! И понеслась с космической скоростью подготовка к свадьбе: Айбала держалась как шахиня – гордо и надменно. Она куталась в меха на заднем сиденье «Гелент-вагена», не вынимая наушников из ушей. С Викой разговаривала обрывками «да», «нет», «подходит», «хочу», «не хочу», как будто за что-то ей мстила. Оживлялась только в ювелирных бутиках. Выбирала все самое дорогое. Ибрагимов рад был платить, его сотни тысяч долларов безумно и расточительно списывались со счета на все, буквально все прихоти Айбалы.

Вика честно пыталась вести бюджет, как это делала обычно на своих «эконом-свадьбах», но здесь был другой случай. Она махнула рукой и просто фиксировала заказы и капризы невесты: подушечка с инициалами для колец, букет из белых пахучих лилий, оформление свадебного кортежа, рассадка гостей, кулечки для лепестков роз (обсыпать молодых после загса), подробный плейлист музыки. Пять раз переписывали сценарий (скрипачки до пианистки, а не после), цвет платья ведущей (слава богу, Вика не вела эту свадьбу), фотограф (только входящего в ТОП WEDDING AWARDS), лучший видеограф (Викиного мужа Айбала забракowała). Юная невеста демонстрировала Вике высшую форму существа – она отметала то, что сама же утвердила сутки назад. Вика как мантру повторяла: «Миллион. У меня уже есть миллион», и смиренно выносила капризы Айбалы... «Море, море, я покажу Марку, Никите и себе море...»

Накануне свадьбы Айбалы и Асмета Вика плохо спала. Луна – круглая, разъявшаяся – висела в небе, притягивая неудобные мысли и незадаанные вопросы. Вика ворочалась в постели, не в силах найти себе успокоения, под мирное дыхание спящего мужа... Она представляла Айбалу, над которой мулла читает Коран... И хладнокровного Асмета со змеиными глазками. Совесть Вики была похожа на мычание глухонемого: а может быть, стоило отговорить Айбалу от этого брака? Или вовсе отказаться от заказа? Ну что такое миллион? Много ли? Один отпуск и аренда квартиры на полгода в Москве...

Утром было уже не до робких терзаний совести... Нужно было выглядеть на миллион, чтобы его же и заработать. Вика дождалась водителя Асмета и умчалась в загс. К счастью, Марка не нужно было отводить к Свете, Никита сегодня был дома...

Кутузовский загс славится красивыми интерьерами дворцового типа. Войдя через парадный вход, молодожены и их гости сразу попадают в уютный и красивый холл с венецианскими зеркалами, красивыми колоннами и уютными мягкими диванчиками. Зал для торжественной регистрации сразу дарит ощущение праздника – высокие потолки, хрустальные люстры, изысканная обстановка. Айбала была ослепительно красива, Асмет аж раскраснелся от гордости. Прежде чем войти в зал регистрации, мать Айбалы долго что-то шептала дочери на ухо, у той в уголках глаз блестели слезы. Она вцепилась в мать руками, как будто ей было пять лет: не отдавай меня, мама! Не отдавай...

Мама поцеловала дочь в лоб и с силой выдернула свою руку...

Грянул марш Мендельсона.

За город, в бутик-отель на Новорижском шоссе, ехали с истеричным автомобильным гудением. Свадебный кортеж нарушал все правила ПДД и несся со скоростью двести километров в час. В отеле «Мона Лиза» молодоженов и гостей встречали праздничным салютом. Банкетный зал украшал огромный шар из гортензий и роз, примерно два на три метра

высотой. Цветочный запах был такой силы, что от него кружилась голова. Или Вика просто переволновалась? Все же это была первая VIP-свадьба в ее профессиональной жизни. Пока все шло идеально... Вика лавировала между бриллиантами и сумками «Шанель», профессионально улыбалась и помогала родственникам и друзьям найти свое место в зале. Карточки рассадки были сделаны из срезов агата с нанесенными каллиграфом именами гостей (идея Виктории! Она такое видела в кино). Иногда, пробегая по банкетному залу отеля, Вика ловила свое отражение в зеркале и очень себе нравилась. Сегодня на ней было надето эффектное платье в зеленых стразах, отдаленно напоминающее кожу змеи. В сочетании с рыжими волосами это смотрелось феерически. Вике очень хотелось сделать селфи, но работа прежде всего... Настроение было приподнятое. В душе Вика танцевала! Ждала, когда диджей, который крутил свой лирический сет, сменит живая музыка. А вот и квинтет вышел на сцену. Скрипачки в строгих смокингах вспороли воздух острыми смычками. Музыка брала за душу и вытряхивала чувства... Кто-то тронул Вику за плечо.

– Привет, вот и встретились...

Вика обернулась. И как будто бы ударились о стекло лбом. С фирменной ухмылочкой и смеющимися глазами перед ней стоял Петр Мамонтов.

– А... Что ты, вы, ты, здесь делаешь?

Дурацкий вопрос. Ответ был очевиден. Петр был одет в черную водолазку и черный костюм – это своеобразная униформа всех «своих людей» Ибрагимова: водители, охрана, секретарь...

– Я? Работаю. Причем как и ты... – Петр рассмеялся. – Нас здесь целый отряд! Мало ли что может случиться на свадьбе. Так что, Веселова, от меня никуда не сбежишь! Кстати, платье у тебя – зачет!

Мамонтов улыбнулся и, вульгарно указывая пальцем на грудь Вики, сказал:

– А сиськи – ну ваще на миллион! – И заржал.

– Первый танец молодоженов! – на счастье Вики громко объявил ведущий.

Приглушили свет. Зажглись фиолетовые огни. Сцена, благодаря видеопроектору, превратилась в небо. По полу поплыли облака, и зал ресторана окутал нежный туман. Айбала, грустная, тонкая и неописуемо красивая, в диадеме из восемнадцати бриллиантов, обреченно пошла в распахнутые руки Асмета, который ждал ее у колонны в центре зала. Смычки скрипок сверкали как молнии, музыка нарастала и... Вдруг на полшаге от Асмета Айбала резко развернулась и кинулась прочь. Куда-то к проходу, где толпились официанты с шампанским. Звон бокалов. Металлический звук упавших подносов и хруст стекла. Крик и мат. Почему-то звуки полицейских раций. Переполох в зале среди гостей. Белый от гнева Асмет, который тут же кому-то стал звонить...

«Черт, черт... Айбала... Сбежавшая невеста. Она не сумасшедшая, не побежит на улицу в тонком свадебном платье. Некуда, некуда бежать, девочка!» – проклиная все на свете, думала Вика.

Она бросилась к лестнице, которая вела на второй этаж. Длинный коридор, одинаковые двери номеров, утопающие в полумраке. Вика заматалась, закричала: «Айбала! Айбала!», но здесь творилось уже что-то невообразимое. Как жуки из укрытий, откуда-то повыползали мужчины в черных костюмах с неотличимыми друг от друга лицами. Вика почувствовала, как страх сковывает ей руки, как неприятно ухает в животе.

Треск раций. «Первый, скажи десятому, что на первом все чисто».

– Сюда вам нельзя. Оцеплено.

Вика поняла, что охрана Асмета за считанные секунды заблокировала все возможные выходы из отеля. Сейчас здесь все перетряхнут вверх дном, пока не найдут беглянку...

Вика облокотилась на перила. Как вдруг почувствовала, как ей закрыли рукой рот, перехватили сзади руки, как пленнице, и потащили куда-то в сторону, в самый конец темного

коридора. Она стала биться что есть мочи. Пыталась орать, но ее держали крепко. Внезапно толкнули дверь в какой-то номер, резко повернули к себе. Вика оказалась лицом к лицу с Петром Мамонтовым. Всклокоченный, потный, игривый...

Рация на его поясе противно трещала. Петр что-то нажал, и она смиренно заглохла.

– Испугалась? Ну здравствуй, здравствуй, красавица... – Петя сделал движение, как будто бы хотел поцеловать Вику. Она учуяла кислый запах водки и красной икры.

И вдруг ужасно разозлилась. Почувствовала, как кровь прилила к лицу, и инстинктивно сжала кулаки. Что за игры?! Ну кто он такой? Охранник Асмета? Что о себе возомнил? Черт! И почему он не ищет Айбалу?! Ей нужна была Айбала! Всем нужна Айбала!

Те несколько секунд, когда Виктория раздумывала, Мамонтов воспринял как молчаливое согласие. Он снова попытался поцеловать Вику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.